

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АРКТИЧЕСКИЙ И АНТАРКТИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
РОСГИДРОМЕТА

АКАДЕМИК
ТРЕШНИКОВ

ДАНИИ
Санкт-Петербург
2004

ББК 26.89(88)

Сборник составляют воспоминания учеников и полярников-коллег по работе, друзей Алексея Федоровича Трёшникова. Воспоминания воссоздают облик великого полярника и организатора полярных исследований XX века.

Сборник воспоминаний
АКАДЕМИК ТРЁШНИКОВ

Составители: И.Е.Фролов, Н.А.Корнилов, В.А.Воеводин, В.Ф.Захаров
Фото на обложке: Р.Кучеров

Подготовка текста и оригинал-макет: Н.М.Шимелис, А.А.Меркулов

Подписано в печать 1.07.04
Печ. л. 8,375
Печать офсетная

Формат 60 × 90 1/16
Тираж 300 экз.
Заказ № 17

Ротапринт ГНЦ РФ АНИИ

© Государственный научный центр РФ Арктический и антарктический научно-исследовательский институт (ГНЦ РФ-АНИИ), 2004 г.
© В.И.Стругацкий «Путешествия с Трёшниковым»

ISBN 5-98364-002-X

ОГЛАВЛЕНИЕ

И.Е.Фролов. Памяти Алексея Федоровича Трёшникова	4
Г.А.Баскаков	10
В.А.Кириллов	17
Б.А.Крутских	21
Е.П.Борисенков	25
Н.А.Корнилов	33
Е.А.Касаткин	41
А.Н.Чилингаров	45
Э.И.Саруханян, Н.П.Смирнов	48
В.И.Шильников	56
Н.Н.Брызгин	59
В.В.Панов	63
В.М.Пигузов	66
И.К.Попов	70
В.А.Воеводин	73
М.Н.Красноперов	75
Э.И.Купри	77
Ю.В.Власова	79
Л.И.Ярукова	81
В.А.Румянцев	85
В.И.Стругацкий. Путешествия с Трёшниковым	87
Биографические сведения	103

И.Е.Фролов

Директор Государственного научного центра РФ
Арктического и антарктического
научно-исследовательского института,
доктор географических наук, лауреат премии Правительства РФ,
Почетный полярник

**ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ФЕДОРОВИЧА ТРЁШНИКОВА
(1914–1991 гг.)**

Перед Вами, читатель, книга – воспоминания учеников, друзей и соратников об Алексее Федоровиче Трёшникове, замечательном человеке, выдающемся полярном исследователе, академике АН СССР, Герое Социалистического Труда, лауреате Государственной премии.

Алексей Федорович родился 14 апреля 1914 года в селе Павловка Симбирской губернии в семье крестьянина. Окончив пять классов деревенской школы, он начал трудиться в колхозе. Рассказывают, что стремление к путешествиям у юного Алексея возникло впервые после того, как он прочитал несколько книг по географии, найденные им на чердаке деревенского дома.

На двадцатые годы прошлого столетия пришлось тяжелые времена становления советского государства. Всюду разруха, проблемы с продовольствием. Крестьянство переживало трудные времена коллективизации. И в эти же двадцатые годы советское Правительство обращает серьезное внимание на изучение и освоение северных морей, рассматривая их как источник природных ресурсов, которые способны укрепить экономический потенциал страны. В 1920 г. создается Северная промысловая экспедиция, впоследствии переименованная в Арктический научно-исследовательский институт.

В пятнадцать лет Алексей Трёшников ушел из семьи, жил на собственные заработки. Потом, окончив курсы, – по комсомольскому набору, стал учителем, позднее директором начальной школы. В 1932 году Алексей Трёшников приезжает в Ленинград и поступает на рабфак Сельскохозяйственного института в городе Пушкине. Осенью 1934 года Алексей Трёшников становится студентом геолого-почвенно-географического факультета Ленинградского Государственного университета.

Что же повлияло на этот выбор, определивший всю дальнейшую жизнь А.Ф.Трёшникова?

Возможно, такой выбор произошел под влиянием ореола героизма и мужества участников спасательной операции экспедиции Нобеля на ледоколе «Красин» и челюскинской эпопеи, широко освещенных в газетах того времени. Возможно, и тот факт, что 1932/33 гг. был объявлен II Международным Полярным Годом, открывшим пути к практическому использованию природных ресурсов Арктики, в проведении которого ученые Советского Союза приняли активное участие.

Итак, выбор был сделан. Летом 1938 г. практикант Алексей Трёшников в должности техника-гидролога отправляется в свое первое плавание в составе гидрографической партии на моторном боте «Иван Папанин» в Арктику, в Карское море. Он впервые увидел морские льды и, конечно, не мог предположить, что пройдет десять лет и он по несколько месяцев будет жить и работать на таких льдах, а еще через шесть – проведет на морском льду целый год.

В годы обучения в Ленинградском университете Алексею Федоровичу посчастливилось слушать лекции по океанографии Юлия Михайловича Шокальского, известного океанолога, блестящего ученого, соратника таких географов-исследователей и путешественников как П.П.Семенов-Тянь-Шанский, А.И.Воейков, С.О.Макаров, Н.М.Пржевальский, Ф.Нансен, и Р.Амундсен. Юлий Михайлович был научным руководителем курсовой работы Трёшникова по теме «О ледовом режиме Карского моря», выполненной на основании натуральных материалов, полученных в гидрографической экспедиции в Карское море в 1938 г. Работа понравилась Ю.М.Шокальскому, он написал положительный отзыв. После окончания университета Ю.М.Шокальский горячо приветствовал решение А.Ф.Трёшникова работать в Арктическом институте. Примечательно, что в комиссии по распределению принимали участие директор Арктического института П.П.Ширшов и его заместитель В.Ю.Визе – известные ученые, полярные исследователи. Их в дальнейшем Алексей Федорович назовет своими Учителями. Судя по воспоминаниям, Алексей Федорович считал своим Учителем и известного океанолога Н.Н.Зубова. Следует особенно подчеркнуть, что и Ю.М.Шокальский, и В.Ю.Визе и Н.Н.Зубов – выдающиеся ученые, были людьми высоко эрудированными, многосторонне развитыми, целеустремленными и интеллигентными, учеными школы дореволюционной эпохи. Они представляли цвет российской географической науки, были настоящими патриотами своего Отечества. А.Ф.Трёшников наследовал многие качества своих знаменитых учителей.

Уже в первый год работы в АНИИ (1940 г.) А.Ф.Трещников отправляется в свое первое продолжительное путешествие, на годовую зимовку на Новосибирских островах, где занимался детальным изучением гидрологического режима Новосибирских проливов.

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Алексей Федорович активно участвовал в гидрометеорологическом обеспечении боевых операций Северного флота и плаваний транспортных судов по Северному морскому пути. Каждую навигацию он ходил начальником «Ледового патруля» на небольших (бывших зверобойных) шхунах. В задачу экспедиции, кроме выполнения океанографической съемки, входило и патрулирование входа в пролив Вилькицкого, наблюдение за свободной ото льда акваторией моря на случай появления вражеской подводной лодки.

В 1946 г., на основе собранных им лично материалов по Новосибирским проливам, А.Ф.Трещников успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук. Научным руководителем его диссертационной работы «Динамика вод проливов Новосибирских островов» был Владимир Юльевич Визе.

В 1948 г. активизировались работы в Центральной Арктике. Алексей Федорович участвует в Высокоширотных воздушных экспедициях. Он – руководитель океанографического отряда и наряду с другими участниками экспедиции был в числе первооткрывателей подводного хребта Ломоносова в Северном Ледовитом океане. Это одно из замечательных географических открытий XX века. За выполненные научные исследования в Центральной Арктике многие полярники были удостоены высоких Правительственных наград. Алексей Федорович Трещников был награжден в 1949 г. Золотой Звездой Героя Социалистического Труда.

В 1954 году были организованы «СП-3» и «СП-4». Начальником «СП-3» был А.Ф.Трещников. Данные, полученные на станции в течение года, внесли крупный вклад в изучение рельефа дна, дрейфа льда, распространения водных масс. Получены новые данные по аэрометеорологии, ионосфере и земному магнетизму Центральной Арктики.

В своих научных исследованиях А.Ф.Трещников придавал большое значение изучению гидрологического и ледового режимов Северного Ледовитого океана. Наиболее полное отражение это нашло в его работе «Океанография Арктического бассейна», в которой обобщены материалы Высокоширотных экспедиций и дрейфующих станций. В ней впервые было показано проникновение тихоокеанских вод в район Северного полюса и описана их роль в циркуляции поверхностных вод Арктического бассейна.

В 1956–1958 гг. А.Ф.Трешников руководит второй Континентальной Антарктической экспедицией (КАЭ), программа которой была значительно расширена по сравнению с первой и выполнялась в рамках Международного Геофизического Года (МГГ). Если в первой КАЭ было 92 участника экспедиции, то во второй уже – 196. В период зимовки в Мирном Трешников возглавил первый внутриконтинентальный санно-тракторный поход к южному геомагнитному полюсу. Под его руководством и при непосредственном участии 16 декабря 1957 года была открыта станция Восток. Это происходило на стыке второй и третьей экспедиций. Начальник 3-ей КАЭ Е.И.Толстик очень волновался, что поезд Трешникова идет медленно и не успеет вернуться в Мирный к отходу «Оби», поэтому он давал Трешникову радиogramмы с указанием создать станцию, не доходя до запланированного места. Алексей Федорович велел радисту на радиogramмы не отвечать и на связь не выходить, якобы из-за отсутствия радиосвязи.

Лишь достигнув южного геомагнитного полюса, связь с Мирным наладили. Станция Восток была открыта. Вот почему, когда корреспондент спросил вернувшегося из Антарктиды А.Ф.Трешникова: «Кому вы завидуете?», он ответил: «Нансену. У него не было радио, и никто не мог ему помешать делать то, что он задумал».

В 1960 году А.Ф.Трешников назначается директором Арктического и антарктического научно-исследовательского института. Став руководителем головного научного учреждения по изучению природных явлений в полярных областях Земли, он вел большую работу по руководству научно-исследовательской и экспедиционной деятельностью в Арктике, Антарктике и Северной Атлантике, научно-оперативным гидрометеорологическим обеспечением мореплавания по Северному морскому пути.

В 1962 г. А.Ф.Трешников публикует монографию «Морфологический очерк окраинных морей Антарктики», содержащую описание рельефа дна и берегов этих морей. В это же время выходит второе крупное его исследование «Особенности ледового режима Южного Ледовитого океана», в котором обобщены материалы океанографических исследований советских и зарубежных экспедиций вплоть до Международного Геофизического Года. Основные выводы:

- в Антарктике преимущественно преобладают однолетние льды;
- определены конкретные ледяные массивы, их границы;
- выяснена природа образования внутриводного льда и придонных антарктических вод;
- уточнена схема циркуляции поверхностных вод, льдов и айсбергов;
- в прибрежной зоне выявлены шесть циклонических циркуляций вод.

На следующий год выходит его работа «Гидрологический и ледовый режим антарктических вод», – исследование, посвященное комплексной характеристике прибрежных вод Антарктиды.

Золотой медали имени Литке удостоен труд А.Ф.Трешникова «История открытия и исследования Антарктиды».

За работу по созданию «Атласа Антарктики» А.Ф.Трешников в числе других авторов был удостоен Государственной премии СССР.

Сочетая многогранную деятельность директора крупного научного центра, А.Ф.Трешников выкраивает время, чтобы посещать дрейфующие научно-исследовательские станции «Северный Полюс» в Арктике («СП-8», «СП-10», «СП-11», «СП-13», «СП-15», «СП-23» и «СП-27») и принимать участие в антарктических экспедициях: в 1963 году – он руководитель воздушной экспедицией на самолетах ИЛ-18; в 1967/68 гг. – начальник 13-ой САЭ; в 1973 году – начальник зимней экспедиции на НИС «Профессор Зубов».

Находясь на посту директора ААНИИ, А.Ф.Трешников успешно защищает докторскую диссертацию, а в последующие годы становится членом-корреспондентом АН СССР, а затем и академиком. В эти же годы Алексей Федорович ведет большую общественную работу, являясь Президентом Географического общества СССР.

Благодаря инициативе и организаторскому таланту А.Ф.Трешникова, в 1960–1980 гг. объем фундаментальных научных исследований, выполняемых в институте, значительно расширился. Арктический и антарктический институт стал крупным отечественным и международным полярным центром, и отечественные океанология и география полярных стран приобрели мировую известность. По масштабам исследовательских работ в Арктике и Антарктике именно эти годы, по праву, можно назвать золотым веком полярной науки в СССР.

Алексей Федорович всегда опирался на молодежь, поддерживая инициативу молодых ученых. Он воспитал блестящую плеяду учеников, которые стали теперь известными учеными, политиками, международными чиновниками. Это, прежде всего, Г.И.Баранов, Э.И.Саруханян, Н.П.Смирнов, Л.А.Тимохов, А.Н.Чилингаров и др. Алексей Федорович развил вместе со своими учениками международную научную программу Полярный Эксперимент, которая была реализована под его руководством в северной и южной полярных областях Земли.

В настоящее время можно с уверенностью сказать, что к концу прошлого века Арктика и Антарктика перестали быть белым пятном на карте. Полюса отдали многие тайны благодаря целеустремленности и мужеству полярных исследователей, среди которых А.Ф.Трешников занимает одно из ведущих мест.

Сегодня у Арктического и антарктического научно-исследовательского института – новое здание на Васильевском острове, которое было построено благодаря настойчивости Алексея Федоровича. Институт получил статус Государственного научно центра Российской Федерации. В нем успешно работают ученики и ученики учеников А.Ф.Трешникова. Организуются и проводятся арктические и антарктические экспедиции. Ученые ААНИИ активно принимают участие в подготовке к 3-му Международному Полярному Году в 2007/08 гг., с инициативой о проведении которого выступила Россия. Продолжает развиваться полярная наука, и кто знает, кого в будущем вспомнят потомки, но я уверен, что имя Алексея Федоровича Трешникова как замечательного полярного исследователя навсегда останется в истории науки.

Баскаков Георгий Анатольевич

Кандидат географических наук,
лауреат премии им. Ю.М.Шокальского,
заведующий лабораторией динамики моря
отдела океанологии АНИИ (1951–1985 гг.)

14 апреля 2004 г. академику Алексею Федоровичу Трёшникову исполнилось бы 90 лет.

А моему знакомству с ним, вскоре перешедшему в дружбу, как поется в хорошей песне, «на всю оставшуюся жизнь», исполняется семьдесят лет. Познакомились мы 5 августа 1934 г., когда сдавали вступительные экзамены на Геолого–почвенно–географический (ГПГ) факультет Ленинградского Государственного университета. И было нам в то благословенное время ровно по 20 лет!

В первые дни экзаменов Алеша Трёшников, высокий, стройный юноша, держался в некотором отдалении как от «хозяев»–абитуриентов–ленинградцев, чувствовавших себя непринужденно, так и от нас – «гостей»–провинциалов, приехавших из других городов страны, но успевших уже сдружиться с первого дня совместного проживания в огромном спортивном зале Университета. Алексей же приезжал сдавать экзамены из Пушкина (Детского Села), где он закончил рабочий факультет (рабфак), окончание которого давало право на поступление в ВУЗ. Но скоро Алексей, с его контактностью, заразительным смехом, столь свойственным людям с открытой душой и чувством юмора, вписался в общий коллектив.

Все пять лет обучения в Ленинградском Университете, мы, четверо однокурсников – Алексей Трёшников из Ульяновской области, я–Георгий Баскаков из Вятки (ныне Киров), Владимир Маслеников из Луги и Юрий Чемяков из Архангельска, прожили в одной комнате, в общежитии Университета на 5–й линии Васильевского острова, дом 66, неподалеку от Малого проспекта.

На первом курсе наша четверка располагалась в комнате на первом этаже, темной, выходившей окнами во двор – колодец. А со второго до пятого курса жили уже на пятом этаже, последнем, в светлой комнате с окнами на 5–ю линию.

Комната – небольшая, площадью около 15–16 кв. м. Две кровати стояли вдоль левой стены, две – вдоль правой. Посредине комнаты – стол, вокруг стола – четыре стула. У дверей – маленький столик для электрической плитки. На стене – радиопродуктор. В общежитии – в комнатах, коридорах, на лестнице, местах общего пользования было чисто; в холодное время года – тепло, без всяких перебоев.

Вообще в Ленинграде в те годы чисто было повсеместно: в парикмахерских, банях, магазинах, поездах дальнего следования и др. В парикмахерских, в частности, мастер только брил и стриг клиентов. Деньги брал в руки только кассир, а швабру и тряпку – только уборщица. На Невском проспекте вдоль домов прохаживались дворники – опрятные женщины в белых фартуках, с медными номерами на груди... Здесь к неаккуратному курильщику подходил милиционер, брал под козырек и вежливо просил подобрать с панели брошенный окурок и выбросить в ближайшую урну... А мог и оштрафовать – на рубль. Встречные на улицах и повсюду относились друг к другу, я бы сказал, уважительно.

В студенческие годы Алексей не курил. Из всей нашей четверки курил один только Юра Чемяков, но и то редко, в коридоре. Поэтому от табачного дыма мы не страдали. Вином мы тоже не злоупотребляли, не было ни особого к нему влечения, ни денег на выпивку. Лишь по случаю приезда к кому-то гостей на столе появлялась бутылка-другая водки. На каждого приходилось совсем немного. Во всяком случае, никого из моих трех сотоварищей по комнате я ни разу не видел не только пьяным, но даже изрядно подвыпившим. Увлекались мы книгами, театром (при наличии средств), танцами, девушками. Помню, как Алексей получил небольшую премию на танцевальном вечере за исполнение модного в то время танго.

Жили мы скромно, только на стипендию (ее в то время получали все студенты). Родители не могли помогать нам. Только у Масленкова были отец и мать, у Трешникова – только отец, у Чемякова и у меня – только матери. Но жили мы дружно, весело, не унывая, с шуткой, с юмором, как, по-видимому, все студенты во все времена. Шутили беззлобно, безобидно для окружающих, прежде всего сами над собой. Так легче было переносить материальные трудности студенческого существования. Чувство юмора сохранили мы и в старости. Осенью 1982 года, когда Алексей Федорович отмечал избрание его действительным членом Академии наук СССР, моя поздравительная речь была самой короткой. Я сказал: «Алексей! Характер человека, его личность формирует общество, окружение, особенно в молодые годы. И если бы не мы, твои соученики по Университету, то еще неиз-

вестно, что из тебя бы вышло. А так, с нами, ты – академик. Совсем неплохо!» Трёшников был в восторге от такого поздравления, хлопнул своей массивной ладонью по столу, захохотал.

Положительная сторона жизни в общежитии состояла еще и в том, что, уходя после лекций из Университета, мы оставались в коллективе. Вечерний обмен мнениями и знаниями с товарищами, жаркие споры на самые различные темы формировали наше восприятие мира, усиливали заложенные в каждом из нас позитивные стороны характера.

Осенью 1934 г. на ГПГ факультет ЛГУ было принято около 150 человек. Из них сформировали шесть учебных групп, в том числе три германоязычные (иностраный язык – немецкий) – мужские группы А и В и женскую Д, две англоязычных – мужскую Б и женскую Г, а также смешанную по языку и полу группу Е.

Иностраный язык выбирал сам поступающий. Алексей Трёшников и мы, трое его будущих соседей по общежитию – я, Владимир Маслеников и Юрий Чемяков выбрали английский язык и, естественно, оказались в группе Б. В этих группах мы обучались на первом и втором курсах, где изучали общенаучные и общегеографические дисциплины: высшую математику, физику, землеведение, топографию, диалектический материализм и др. После второго курса, летом 1936 г., нас распределили в группы по специальностям, в зависимости от желания студента. В группах по специальности мы проучились еще три года, до окончания Университета.

При этом как раз летом 1936 г. ГПГ факультет был разделен на два самостоятельных факультета: географический и геологический, а специальность «почвоведение» передана на биологический факультет. Трёшников, я и Чемяков пошли на географический факультет – первые два – на специальность «гидрология моря», а третий – на специальность «геоморфология». Владимир Маслеников пожелал учиться на геологическом факультете.

Но и обучаясь на старших курсах, с третьего по пятый, а также и после окончания Университета, мы не забывали свою группу «Б» первого и второго курсов, встречались, фотографировались.

Многие из учившихся в группе Б в дальнейшем преуспели в науке. Алексей Федорович Трёшников стал выдающимся полярным путешественником и исследователем, академиком АН СССР, Президентом Географического общества СССР, директором Арктического и антарктического научно-исследовательского института. Кауко Оттович Кратц стал член-корреспондентом АН СССР, директором Института геологии и геохронологии докембрия АН СССР. Докторами наук стали: Б.П.Бархатов, С.Ф.Бискэ, А.Б.Каждан, О.В.Попов, П.В.Федоров,

Ю.Ф.Чемеков, а кандидатами наук – Г.А.Баскаков, В.С.Большаков, А.П.Васьковский, Ю.Б.Лавренев, С.Д.Смирнов, В.Н.Соколов, А.П.Пуминов.

Таким образом, 15 из 23–25 получили ученые степени! Эти люди были близки Алексею Трёшникову. В тесном дружеском и творческом общении с ними формировался его характер, оттачивались его способности. И потому я называю здесь их имена. Перечень имен, возможно, неполный, так как часть однокурсников я потерял из виду сразу после окончания Университета. Тем более, что вскоре последовали годы войн – финской и Великой Отечественной. Считаю, даже уверен, что состав группы Б оказался столь удачным благодаря английскому языку.

Почему же именно Трёшников оказался столь успешным в дальнейшем, после окончания Университета, среди других, бесспорно, способных студентов? Почему именно он удостоился высоких научных и других званий и наград?

Конечно, прежде всего, благодаря своей редкой одаренности, незаурядным способностям, причем способностям разносторонним. Он проявил себя как ученый–исследователь, организатор науки, автор широко известных научно–популярных книг о Крайнем Севере и Крайнем Юге, о работавших там людях науки и практики, о плававших там судах. Во–вторых, конечно благодаря своему редкостному трудолюбию. Руководить крупномасштабными научными работами в Арктике и Антарктике, одновременно быть Президентом Географического общества, заведовать кафедрой океанологии в Университете и еще писать большие и хорошие книги – не каждый осилит такое. И, в–третьих, он обладал железной волей, целеустремленностью, смелостью в достижении поставленной перед собой большой цели.

Но все это проявилось не сразу. Процесс становления личности происходил у Алексея Федоровича, как и у любого другого, творчески существующего человека, всю его жизнь. Но начало всему было положено в студенческие годы.

Вначале, на первом курсе Алексей Трёшников ничем особым не выделялся среди однокурсников. Разве, что веселостью и умением сказать, к месту, острое словцо. Он, как все мы, приезжие из провинции, привыкал к жизни в столице, вдали от семьи. Но свой решительный характер сразу же показал, и вот каким образом. Последние числа апреля 1935 года. По Большой Неве плывут последние небольшие ледоходские льдины. Трое первокурсников стоят на Стрелке Васильевского острова, у самой воды. Не помню, с чего начался разговор, но Трёшников сказал: «А я вот войду сейчас в воду». Мы с Масленниковым

усомнились в этом, да еще сделали это с обычной иронией. Тогда Алексей снимает одежду и, оставшись в одних трусах, погружается в воду и сразу же выскакивает оттуда. Молодость и крепкое здоровье уберегли его от заболевания. Сейчас я считаю, что такое купание было не только бравадой, но еще и самоутверждением человека.

Уже первая наша учебная практика летом 1935 г. на знаменитой университетской учебной станции в Саблино (под Ленинградом) показала, что мы, провинциалы, особенно те, кто из сельской местности и кто привык к физическому труду, ничуть не отстаем от однокурсников – ленинградцев. Трёшников вырос в деревне, родители его были крестьяне. Алексей с детства занимался разнообразным сельским трудом, поэтому у него была хорошая хватка в любом деле. Вообще, мне представляется, сельский паренек, попав в большой город, успешнее продвигается в жизни, чем его столичный сверстник. Такой юный варяг оказывается не то, что умнее, а чуть дальновиднее и по-практичнее горожанина, выросшего в более комфортных условиях.

С течением времени Алексей становится заметнее в коллективе, внимательнее относится к занятиям и своей успеваемости, чего раньше не было. На семинарских занятиях проявляет большую активность, часто выступает. Говорит нам, полушутя – полусерьезно, что если мы и будем потом известны в мире, то только как его друзья. Мы отшучиваемся, конечно

Отлично помню такой случай. Весна 1937 года. Только что на льды Северного Ледовитого океана высадилась первая в мире советская дрейфующая станция «Северный полюс». Страна ликует. Сразу же в народе появилось слово – «папанинцы»... Мы, наша четверка, сидим в своей комнате в общежитии по Пятой линии, слушаем очередную радиоинформацию об этой станции. Трёшников говорит: «Вот они – «папанинцы». А будь начальником станции я, то были бы они не «папанинцы», а «Трёшниковцы». Мы дружно расхохотались и популярно разъяснили нашему другу разницу между знаменитым на весь мир Иваном Папаниным и безвестным студентом Алексеем Трёшниковым.

Но, как показали дальнейшие события, Алексей все хорошо продумал и правильно просчитал, что путь к известности и, возможно, к славе в те времена пролегал через мало исследованный Крайний Север, через Советскую Арктику, где тогда началось беспрецедентное по масштабам и темпам хозяйственное и культурное строительство.

Уже в навигацию 1938 г. Трёшников работал, на последней производственной практике, техником-гидрологом на судне «Иван Папанин» в Карском море в экспедиции гидрографического управления Главсевморпути. Это плавание и определило его судьбу как по-

лярного путешественника, географа и океанолога. По материалам наблюдений в этой экспедиции Трёшников написал под руководством Юлия Михайловича Шокальского курсовую работу о движении вод и льдов в северо-восточной части Карского моря и доложил ее на собрании нашего студенческого научного кружка. На последнем курсе Алексей, уже получивший опыт плавания и проведения океанологических работ, бесспорно, лидирует в нашей группе гидрологов моря.

По-видимому, тесное общение руководителя со своим, уже в существенной мере проявившим себя к тому времени, студентом позволило Юлию Михайловичу сказать нам на одной из своих лекций в 1939 году, последнем году нашего обучения в Университете, следующие слова: «Если среди вас есть Герой Советского Союза, – то это Трёшников». Звание Героя Советского Союза было учреждено незадолго до того, в 1934 г.; имели его тогда очень и очень немногие.

Меньше, чем через 10 лет после этого, Алексей Федорович Трёшников был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда.

Красивый, сильный и веселый, Алексей, конечно, пользовался большим успехом у женщин. Любил танцевать, бывать в обществе, ходить в театр.

На третьем курсе стало понятно, что он все больше и больше внимания уделяет Тане Макаревич, нашей же сокурснице из параллельной группы гидрологов-речников. Танечка тоже выделялась своей обаятельной внешностью и живым характером.

На пятом курсе они, Таня и Леша, поженились. Это была чудесная пара! Он – светловолосый русский богатырь, она – яркая брюнетка, со слегка смуглым личиком, тоненькая, с идеальной фигуркой! Дуб и березка – так думал я, глядя на них. Татьяна Николаевна была достойной спутницей жизни Алексея Федоровича. Она имела ученую степень кандидата географических наук, долгие годы возглавляла один из ведущих отделов Государственного гидрологического института. Это была любовь и брак на всю жизнь. Они были преданы друг другу, жили друг для друга.

Татьяна Николаевна пережила мужа всего на два неполных года. Она скончалась в конце октября 1993 года.

Алексей Федорович прожил славную жизнь... Благодаря своим талантам, безмерному труду, научной и человеческой смелости, он стал выдающимся ученым, знаменитым полярным путешественником, вписался в плеяду таких русских землепроходцев, мореплавателей и географов как Степан Осипович Макаров, Николай Михайлович Пржевальский, Юлий Михайлович Шокальский, Владимир Юльевич Визе.

Много лет прошло со времен юности нашего поколения, поколения Трёшникова. Большинство помнит академика А.Ф.Трёшникова уже на склоне его лет маститым, убеленным сединами. Но когда я думаю о нем, то вижу перед своим мысленным взором молодого красавца. Алексей, улыбаясь, смотрит на меня... Он словно ждет меня или хочет сказать о чем-то...

Но – не может...

Кириллов Александр Алексеевич

Кандидат географических наук,
лауреат премии им.Ю.М.Шокальского,
зав. лабораторией долгосрочных ледовых
прогнозов отдела Ледового режима ААНИИ
в 1957–1989 гг.

Часто бывает, что встреча с одним человеком определяет всю дальнейшую жизнь. В моей судьбе таким человеком был Алексей Федорович Трёшников. Познакомился я с ним в 1937 году в университетском общежитии на 5-й линии Васильевского острова. Я тогда еще учился на рабфаке, а мой старший брат уже был студентом географического факультета и жил в этом общежитии. Я часто навещал брата, познакомился со многими его соседями. В том числе и с Алексеем Трёшниковым, студентом третьего курса. Он казался старше своих сокурсников, крепче, основательнее, можно сказать, был безусловным лидером. Казалось, что ему все по плечу, что для него нет ничего невыполнимого, в общем-то, так оно и было.

Через год я стал студентом географического факультета, но мое обучение было прервано войной. Продолжил я учебу в университете уже в 1946 году, восстановился на 4-й курс, и нужно было решить, где проходить производственную практику. Я обратился за советом к Алексею Трёшникову, который к тому времени уже около 8 лет проработал в ААНИИ. Он помог мне, и практику я проходил в экспедиции в арктических морях на ледоколах. Вот так летом 1947 года я впервые оказался в Арктике. После экспедиции мне предложили работу в институте. Я, конечно, согласился, работал и одновременно заканчивал университет. Так определилась моя дальнейшая жизнь на последующие почти 50 лет.

Первая наша встреча с А.Ф.Трёшниковым в Арктике произошла в 1950 году в Тикси. Для меня это была первая Высокоширотная воздушная экспедиция в Центральную Арктику. Алексей Федорович к тому времени был уже опытным, можно сказать, маститым полярником. Ему предстояло возглавить работу на дрейфующей станции.

В задачу экспедиции «Север-5» (руководитель – начальник Главсевморпути А.А.Кузнецов, заместитель – известный геофизик

М.Е.Острекин) входило продолжение комплексных научных исследований в Центральной Арктике с помощью трех подвижных или, как их еще называли, «прыгающих» отрядов. И, кроме того, предусматривалась организация двух дрейфующих станций: «СП-2» (начальник М.М.Сомов) и «СП-3» (начальник А.Ф.Трешников).

Научные группы, членом одной из которых был и я, вылетели из Архангельска в Тикси в первых числах марта. Позже туда прилетели и сотрудники будущих дрейфующих станций. Но случилось так, что удалось организовать только станцию Сомова. Льдина, выбранная для станции Трешникова раскололась и высадка группы Трешникова не состоялась. Все были очень расстроены.

Но мне хотелось бы продолжить свой рассказ об экспедиции «Север-5», которая завершилась уже без участия А.Ф.Трешникова. Дело в том, что и самому Алексею Федоровичу, как и всем участникам экспедиций в Арктику, приходилось переживать ситуации, похожие на те, в которых оказались мы. Подобные истории я не раз слышал и от самого А.Ф.Трешникова, и от других полярников, и я, честно говоря, уже с трудом могу припомнить, с кем из них происходила та или иная история. Боюсь что-нибудь напутать и лучше расскажу о том, чему я сам был свидетелем. Мой рассказ можно считать обычной историей из жизни многих полярников.

Надо сказать, что эта невезучая льдина, которая не позволила Трешникову организовать станцию, преподнесла нашей экспедиции еще несколько неприятных сюрпризов. Еще до того как она раскололась, на ней была создана база для будущей дрейфующей станции, но из-за сильных подвижек льдов было принято решение о ликвидации этой базы. Одна из 16 точек, где мы проводили свои работы, находилась здесь же. И нам пришлось заниматься еще и ликвидацией базы, подготовкой к отправке на материк оборудования, снаряжения, продуктов питания, всего того, что было завезено для обеспечения работы и жизни полярников.

Работу нашей научной группы обслуживало три самолета. Возглавлял летный отряд известный полярный летчик Герой Советского Союза И.И.Черевичный. Он же был и командиром самолета ЛИ-2, который осуществлял первичные, самые сложные посадки на дрейфующие льды в заданных точках. Затем туда же садился второй самолет с научными сотрудниками, потом третий – транспортный самолет.

На этой злополучной льдине у нас случилось чрезвычайное происшествие, о котором можно рассказать только теперь. Сгорел второй самолет, тот, который обслуживал работу научной группы. Причиной пожара было следующее. Радист, отработавший очередной

сеанс связи, а работал он в самолете, не стал выключать движок, обеспечивающий работу радиации, накрыл его чехлом, чтобы он меньше остыл к следующему сеансу связи, и пошел отдохнуть в палатку. Через некоторое время загорелся чехол, а потом и сам самолет. Пожар удалось потушить, но пострадал самолет сильно и к дальнейшим работам оказался не пригоден. Конечно, тут же с материка прилетели следователи, чтобы разобраться, что случилось. Но мы старались очень осторожно давать показания, выгораживая экипаж самолета. Для выполнения плановых работ экспедиции прислали другой самолет, мы улетели на следующую точку, а механики остались на базе для того, чтобы снять с пострадавшей машины все, что можно было еще использовать. В самом конце экспедиции мы вернулись за ними, погрузили всё оставшееся и обнаружили, что льдина приготовила нам еще один сюрприз. Одна из трещин рядом с самолетом стала довольно быстро расходиться. Надо было спасать самолет, мы успели оттащить его от трещины и взлететь.

Научные работы были закончены, но мы на некоторое время застряли на Диксоне. Черевичный с нашей научной группой не захотел лететь в Тикси, где руководство и все члены экспедиции «Север-5» собирались по завершению работ отметить Первомайские праздники, а решил заправить самолет на Диксоне, чтобы затем сразу лететь в Архангельск. Но в Архангельске ухудшились метеоусловия, и аэропорт не принимал. Вот почему в канун праздников 30 апреля мы все еще были на Диксоне.

Мне хорошо запомнился этот погожий весенний день. На наших глазах большой транспортный самолёт ПЕ-8, совершая посадку, сошел со взлетно-посадочной полосы и задел крылом груды льда. Оказалось, что ПЕ-8, командиром которого был М.С.Агров, летел из Москвы в Тикси, но по пути был вынужден сделать короткую остановку на Диксоне для заправки горючим. И поскольку в результате неудачной посадки крыло сломалось и самолет, понятно, лететь дальше не мог, Агров до Тикси так и не добрался. И каков был наш восторг, когда мы узнали, что за груз он собирался туда доставить. На борту ПЕ-8 был коньяк, шампанское, закуски для праздничного стола. Конечно, руководство распорядилось самолет опечатать, никого внутрь не пускать. Но ведь это был 1950-й год, мы были молоды, была закончена большая работа, поэтому все с большим воодушевлением отметили Первомай. На столе у нас тоже было кое-что из праздничного угощения, предназначенного руководству экспедиции в Тикси.

В общем, нам было, что рассказать Трешникову, когда мы встретились с ним уже в институте. Конечно, он был огорчен, что его дрей-

фующая станция не состоялась. Но этот человек не мог долго переживать неудачи, он всегда был нацелен на будущее. И мне при нашей встрече после экспедиции он посоветовал подумать о будущем, «экспедиции затягивают, но диссертация нужна, поступай в аспирантуру». Что я и сделал в том же 1950-м году. Вся моя дальнейшая работа в ААНИИ прошла рядом с Алексеем Федоровичем, вплоть до его ухода в Институт озероведения. Он был директором, я – его подчиненным, но мы всегда оставались коллегами и единомышленниками. А.Ф.Трешников, какой бы пост он не занимал, всегда был верен старым друзьям, коллегам, никого не забывал. Когда мы все уже вышли на пенсию, наше общение продолжалось и стало даже более тесным, неформальным. Большая часть нашей жизни была связана с ААНИИ, и мы – сотрудники института, ставшие за это время друзьями, часто собирались вместе. В основном наши встречи происходили во время дачного сезона, поскольку у многих дачи находятся в Белоострове: отмечали памятные даты, дни рождения. Трешниковы приезжали из Комарова, а в день рождения Алексея Федоровича, 14 апреля, приглашали всех к себе. Глядя на него, невозможно было представить, что этот человек может болеть. Он по-прежнему был крепок, статен, громкоголос, шутил. Всегда был центром любой компании.

Алексей Федорович Трешников был крупной личностью, большим ученым. В 1949-м году стал Героем Социалистического Труда. И действительно, он был настоящим героем, хотя многим сегодня это слово кажется изобретением советской пропаганды. И, между прочим, он не был каким-то исключением из правил. Среди полярников встречалось много героев. Это были люди с какой-то особенной судьбой, особенной жизнью, в которой героизм был нормальным человеческим качеством, и то, что сейчас воспринимается как подвиг, считалось делом привычным, над этим просто не задумывались, выполняя свой долг. Работать в таких жесточайших условиях мог только тот, кто готов прийти на помощь, поделиться последним, иначе было не выжить. Я счастлив, что жил и работал вместе с такими людьми, я благодарен судьбе за то, что она свела меня с Алексеем Федоровичем Трешниковым. Как я уже говорил вначале, если бы я не встретил его, моя жизнь, вероятно, сложилась бы иначе. Я считаю, что мне повезло.

Борис Андреевич Крутских

Заместитель директора ААНИИ (1968–1981 гг.),
директор ААНИИ (1981–1992 гг.),
участник многих арктических и антарктических экспедиций,
доктор географических наук, главный научный сотрудник ААНИИ,
Почетный полярник, Почетный работник Гидрометслужбы России

Писать об Алексее Федоровиче Трешникове очень сложно. Основная сложность в том, что вся его жизнь тесно связана с героическими событиями в Арктике и Антарктике, непосредственным участником которых был он сам. Практически невозможно в воспоминаниях в подробностях осветить жизненный путь и показать выдающуюся роль и место Алексея Федоровича в изучении и освоении полярных районов Земли. Все же воспоминания есть воспоминания, но не в коей мере не описание жизни и деятельности А.Ф.Трешникова, который достоин книги о нем в серии «Жизнь замечательных людей». В воспоминаниях говорят о главных качествах и чертах характера.

Об А.Ф.Трешникове я впервые услышал в 1952 году, будучи курсантом Высшего Арктического Морского училища (ВАМУ) им. адм. С.О.Макарова. Тогда я и мой однокурсник Ю.Б.Константинов, ныне широко известный полярный исследователь, проходили производственную практику в Штабе морских операций восточного района Арктики в Певеке в составе научно-оперативной группы Арктического НИИ. Руководили нами известный полярник П.А.Гордиенко и выпускник ВАМУ Ю.А.Горбунов. Более трех месяцев мы общались с моряками, летчиками, океанологами, метеорологами, связистами, гидрографами и др. От них мы узнали об исследованиях в Арктике, высокоширотных воздушных экспедициях, ледовых патрулях (океанографические экспедиции в арктических морях) и принимали непосредственное участие в работе гидрометеорологической и ледовой службы, ледовой авиаразведке. Именно тогда я впервые услышал имена В.В.Фролова, М.М.Сомова, А.Ф.Трешникова, Я.Я.Гаккеля, Н.А.Волкова, Г.Я.Вангенгейма, А.А.Гирса и других известных в то время полярных исследователей, активно работающих в АНИИ и в Арктике.

О чем могли думать и мечтать тогда курсанты училища, выпускники которого должны были включиться в работу полярников? Есте-

ственно, мы хотели как можно быстрее попасть в Арктику, где разворачивались широкомасштабные исследования. И вот в 1954 г. большая группа выпускников ВМУ (ныне Государственная морская академия) была направлена на работу в обсерватории арктических территориальных управлений полярных станций.

В обсерваторию Центрального района Арктики в п. Тикси со мной были направлены Н.А.Корнилов, сегодня выдающийся полярник, Герой социалистического Труда, кандидат географических наук, а также известные ныне в нашей стране и за рубежом ученые: В.Ф.Захаров, доктор географических наук, профессор, заслуженный деятель науки; Н.П.Булгаков, действительный член национальной Академии наук Украины, профессор, доктор географических наук. Одновременно в других обсерваториях Диксона и Певека начали работу мои однокурсники, ныне широко известные полярные исследователи Ю.Б.Константинов, А.Я.Бузуев, В.В.Панов, Л.В.Булатов, В.Е.Бородачев, В.М.Попов и др.

Я отвлекаюсь от темы своих воспоминаний потому, что не только моя судьба, но и судьбы моих однокашников в той или иной степени связаны с людьми, последователями и продолжателями которых мы стали. К ним относятся, прежде всего, А.Ф.Трешников, М.М.Сомов, П.А.Гордиенко, Н.А.Волков, Е.С.Короткевич, А.Ф.Лактионов и др.

Если в 1952 г. состоялось мое первое знакомство с Арктикой и полярниками, то в 1954 г. было положено начало моим полярным походам и исследованиям. Этот год совпал с дрейфом станции «Северный полюс-3», которую возглавлял А.Ф.Трешников и «Северный полюс-4» под руководством Е.И.Толстикова. Я не ошибусь, если скажу, что тогда для нас, молодых специалистов, А.Ф.Трешников и Е.И.Толстиков были кумирами, а дрейфующие станции «Северный полюс» – несбыточной мечтой. Узнавая о работах АНИИ в Арктике, встречаясь с его сотрудниками, мы скоро поняли, что будучи оторванными от института не сможем в полной мере принять участие в исследовании полярных районов. Тогда было решено направить письмо в правительственные органы с обоснованием целесообразности передачи обсерваторий в ведение АНИИ. Такое письмо было подготовлено и отправлено. Реакция руководства института и его директора В.В.Фролова была быстрой и положительной. В марте 1955 г. обсерватории перешли в ведение АНИИ, и мы стали сотрудниками института, который даже в наше трудное для науки время, не говоря уже о прошлом, остается центром полярных исследований.

В 1961 году я защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском гидрометеорологическом институте. В 1960 году А.Ф.Трешников

стал директором Арктического и Антарктического НИИ, заменив скоропостижно умершего Вячеслава Васильевича Фролова, талантливого руководителя большого коллектива полярных исследователей. Я встретился с Алексеем Федоровичем перед защитой диссертации в связи с тем, что защищаться я должен был в другом институте. Алексей Федорович пригласил меня перед защитой, как я понял, чтобы подбодрить и вызвать во мне чувство ответственности за авторитет института. В дальнейшем я неоднократно убеждался в том, что Алексей Федорович был большим патриотом своего института и ревностно защищал его и сотрудников от необоснованных нападок со стороны. Для него исследования полярных районов были неотъемлемой частью жизни. Когда я сообщил Алексею Федоровичу, что защита прошла успешно, он поздравил меня и почему-то громко засмеялся. По-видимому, он был рад за своего сотрудника и институт.

В последующие годы я работал в научно-оперативной группе при Штабе морских операций восточного района Арктики в порту Певек. С Алексеем Федоровичем я встречался только при отъезде в Арктику и при возвращении, когда отчитывался по итогам арктической навигации. Работал я в отделе ледовых прогнозов, занимался краткосрочными прогнозами в лаборатории под руководством А.Л.Соколова.

В ноябре 1968 г. меня внезапно вызвали к директору института. Я спросил А.Л.Соколова, не знает ли он, с чем связан этот вызов. Он ответил, что и сам удивлен. Так и не разгадав, в чем дело, ободряемый моими коллегами, я пошел на прием к директору. Войдя в кабинет, я увидел Алексея Федоровича в своем директорском кресле и Евгения Константиновича Федорова, в то время Председателя Госкомгидромета. Мне задавались вопросы о работе, моих интересах, семье. Вопросы были в основном со стороны Е.К.Федорова. Он пожелал мне успехов в полярных исследованиях. Беседа завершилась неожиданным для меня предложением занять должность заместителя директора института по научной работе. Алексей Федорович сказал, что он давно присматривался ко мне, особенно в мою бытность секретарем парткома и начальником научно-оперативной группы в Арктике, и у него есть все основания сделать это предложение. Он выразил также надежду, что я оправдаю оказанное мне доверие и справлюсь с этой работой. Тогда я узнал еще одну, присущую духовно сильным и умным людям, черту – доверие к людям, и, в первую очередь, к своим помощникам. Для Алексея Федоровича доверие было основой воспитания кадров, особенно руководителей полярных экспедиций.

В первые годы работы заместителем директора я полностью погружился в административные дела, часто оставался вместо А.Ф.Трещ-

никова, даже тогда, когда он отправлялся в экспедиции на продолжительный срок. Для научной работы у меня почти не оставалось времени. Однажды Алексей Федорович поинтересовался моей работой над докторской диссертацией, которой, к сожалению, я уделял мало внимания. Он выразил недовольство моим отношением к этому, по его мнению, важному вопросу и сказал, чтобы я форсировал работу над диссертацией. Не выполнить это было нельзя. В 1980 г. я защитил докторскую диссертацию в Институте океанологии АН СССР им. П.П.Ширшова.

После защиты я встретился с Алексеем Федоровичем и мы долго беседовали о делах института, о перспективах и планах на будущее. Он сказал, что в ближайшее время оставит пост директора, а мне настоятельно рекомендовал заменить его в этой должности. Я знал, что Алексей Федорович готовил себе смену в моем лице. Предлагая мне этот пост, Алексей Федорович брал на себя огромную ответственность за человека, которому он доверял руководство крупнейшим институтом. Доверие, патриотизм, высокая гражданская ответственность были органически присущи А.Ф.Трешникову и проявлялись в больших и малых делах, связанных с полярными экспедициями и исследованиями. В марте 1981г. я сменил А.Ф.Трешникова на посту директора ААНИИ.

Действительный член Академии Наук СССР А.Ф.Трешников в дальнейшем был заведующим кафедрой океанологии Ленинградского государственного университета, директором Института озераведения, продолжал возглавлять Географическое общество страны.

В это время встречались мы уже редко, в основном на совещаниях и научных конференциях. В дачные сезоны мы встречались у него в Комарово или у меня в Белоострове. Моя судьба тесно связана с А.Ф.Трешниковым, моим главным наставником, мудрым учителем и воспитателем в духе полярных традиций. Уверен, что такое же влияние он оказал на многих сотрудников института, пришедших на смену его поколения.

Евгений Пантелеймонович Борисенков

Заслуженный деятель науки и техники РФ,
доктор физ.-мат. наук, профессор.

С 1963 по 1968 г. — заместитель директора ААНИИ
по научной работе в Арктике.

Впервые мне удалось увидеть Алексея Федоровича Трёшникова, известного к тому времени полярника, героя страны, начальника дрейфующей станции «Северный Полюс-3» в 1955 году, когда я стал адъюнктом на кафедре динамической метеорологии Военного Гидрометеорологического факультета Советской Армии, влившегося вскоре в состав Военно-воздушной инженерной Краснознаменной Академии им. А.Ф.Можайского. Факультет находился на ул. Рузовской, и Алексей Федорович, только что возвратившийся из очередной экспедиции, делал у нас в переполненном зале доклад об исследованиях в Арктике.

Слушая его увлекательный доклад, я, в то время тридцатилетний начинающий ученый в области общей и военной метеорологии, не думал и не предполагал, что скоро судьба сведет меня близко и на многие годы с этим замечательным, самобытным и могучим в физическом, умственном и нравственном отношениях человеком.

Но случилось так, что работавший у нас на кафедре сотрудник Арктического института, известный ученый в области долгосрочных прогнозов погоды, профессор Георгий Яковлевич Вангенгейм, заметив мой интерес к гидродинамическим и физико-статистическим методам прогноза погоды с использованием входивших тогда в употребление электронных вычислительных машин, пригласил меня, в то время еще адъюнкта, и моего товарища, доцента Виктора Петровича Гурова заняться разработкой и внедрением численных методов долгосрочных прогнозов для Арктики.

Так началась наша работа на полупублической, полусовместительской основе в Арктическом институте в отделе долгосрочных прогнозов погоды, которым руководил профессор Александр Александрович Гирс.

Алексей Федорович Трёшников был в то время заместителем директора института и большую часть времени проводил в экспеди-

циях. Я думал тогда, что он мало интересовался нашими работами, что, как оказалось, было далеко не так. Большой интерес проявлял к нашим работам тогдашний директор института Вячеслав Васильевич Фролов – мудрейший человек и перспективно мыслящий ученый.

Вскоре мы сделали доклад на Ученом совете института. Интерес к нашим работам возрос, в том числе и со стороны Алексея Федоровича, и руководства Главсевморпути, в ведении которого находился институт, и Министерства Морского флота. После нескольких докладов на коллегиях Главсевморпути и Министерства Морского флота нам была открыта «зеленая улица» по оснащению института современной по тому времени вычислительной техникой.

По инициативе В.В.Фролова в институте была организована вычислительная лаборатория (вычислительный центр) и я, будучи еще военным и только что защитившим кандидатскую диссертацию, на общественных началах возглавил ее.

К чести и прозорливости В.В.Фролова, состав будущих программистов формировался из числа сотрудников различных научных отделов института. Это сразу же придало нашим работам конкретную научно-прикладную направленность и способствовало контактам с научными отделами.

И в это время, в разгар описываемых событий, умирает В.В.Фролов. Его место занимает Алексей Федорович Трешников. Я с трепетом ожидал, как он, классический полярный исследователь, отнесется к нашему направлению работ.

Действительность превзошла мои ожидания. В то время освободилось место заместителя директора института, которое занимал известный полярный исследователь Павел Афанасьевич Гордиенко. Алексей Федорович предложил мне демобилизоваться из Армии, перейти на постоянную работу в Арктический институт и занять должность его заместителя по научной работе в Арктике, сохранив за собой вычислительную лабораторию. В это время я подготовил к защите докторскую диссертацию, был на хорошем счету в Академии, был уже доцентом на своей кафедре, а по совместительству еще и доцентом кафедры физики атмосферы Ленинградского университета. Мне было 38 лет, и я понимал, что так просто меня не отпустят из Армии. Кроме того, такой переход должен был в корне изменить мою, вроде бы, уже сложившуюся армейскую жизнь. Но самое трудное для меня в этом выборе было то, что я никогда не участвовал в полярных экспедициях, не бывал на дрейфующих станциях и вообще в Арктике, не знал оперативной работы по обслуживанию навигации. А все эти задачи, помимо того, что я оставался руководителем вычислительного

центра, ложились, в случае принятия предложения А.Ф.Трешникова, на мои плечи.

И на этом переломном для меня этапе, ведущую роль сыграли не только настойчивость Алексея Федоровича, но и мудрость, и проявленное им чувство товарищества. Он обещал мне всяческую помощь и содействие. Позаботился и о моих жилищных условиях, предоставив мне отдельную квартиру в принадлежащем институту доме.

Выбор мной был сделан. По ходатайству Министерства Морского флота в июне 1963 года я был демобилизован из Армии и назначен заместителем директора института по научной работе по Арктике с возложением на меня обязанностей руководителя вычислительного центра института и продолжением преподавательской работы в Университете.

Другим заместителем директора (по Антарктике) в то время был выдающийся полярник, замечательный и интересный человек Михаил Михайлович Сомов, которого из-за болезни вскоре на этой должности сменил Евгений Сергеевич Короткевич.

Одновременно я стал заместителем Алексея Федоровича по Ученному совету, заместителем главного редактора журнала «Проблемы Арктики и Антарктики». По его же представлению меня ввели в состав научно-технических Советов Главсевморпути и Министерства Морского флота.

В становлении меня как полярника, в привитии навыков и опыта административной работы Алексей Федорович сыграл первостепенную роль. Собственно, он был моим учителем, наставником и примером четко выраженной гражданской патриотической позиции.

Первое, что мне сказал Алексей Федорович, – «Надо теперь изучать Арктику не только головой, но и ногами». И с этого времени, параллельно с организацией работы вычислительного центра, начались мои полеты в Арктику, по несколько раз в навигацию, в Штабы морских операций на Диксоне, в Тикси и Певеке, на дрейфующие станции. В мою бытность мне довелось участвовать в открытии станций «СП-13», «СП-14», «СП-15».

Когда стал вопрос о закрытии и эвакуации станции «Северный Полюс-12», Алексей Федорович поддержал мое предложение установить на льдине две автоматические метеорологические станции с усиленными блоками питания. Конструктор этих станций Юрий Константинович Алексеев придумал такой блок питания. Алексей Федорович не побоялся рискнуть, а это, безусловно, было рискованно, поручив мне возглавить работу по эвакуации станции «СП-12» и установке на ней ДАРМС. Я вспоминаю об этом потому, что все это делалось в услови-

ях, когда на «СП-12» из-за подвижки льдов был разломан аэродром. А на бурение льда толщиной порядка 4-х метров, мы затратили около 25 часов (в этой операции участвовали В.Мороз и А.Низяев).

Станции были установлены, и одна из них проработала около полутора лет. В следующем году я летал на поиски этой еще работавшей станции, ушедшей к берегам Аляски. Правда, найти ее мы не смогли, но она продолжала работу еще несколько месяцев.

Я вспоминаю этот случай как иллюстрацию стиля работы Алексея Федоровича, поддерживающего новые начинания и доверяющего людям, хотя риск тут, безусловно, присутствовал.

Вскоре после моего назначения состоялся перевод теперь уже Арктического и Антарктического Института из Главсевморпути в Главное Управление Гидрометеослужбы, которое возглавлял тогда академик Евгений Константинович Федоров. С именем этого знаменитого полярника, замечательного и мудрого человека, блестящего руководителя и наставника, у меня связаны самые теплые воспоминания.

В Гидрометеослужбе наши работы нашли самую активную поддержку как в части разработки и внедрения численных, в основном, физико-статистических, методов долгосрочных прогнозов, так и в части продолжения начатых работ по автоматизации системы сбора и обработки информации на базе ЭВМ. Институт в то время имел один из лучших по тому времени вычислительный центр в городе и в Гидрометслужбе. В Гидрометслужбе (в ЦИПе) была всего лишь специализированная ЭВМ «Погода» с очень ограниченными возможностями, и ЭВМ «Урал-1» в ГГО. Мы же в ААНИИ располагали ЭВМ «Урал-2», доукомплектованную до возможностей ЭВМ типа «Урал-4». Конечно, с позиций сегодняшнего дня, эту технику можно отнести к «каменному веку» вычислительной техники. Я помню, что в КБ конструктора ЭВМ «Урал-1» Б.И.Рамеева название «Урал» в шутку расшифровывалось как «универсальный русский автоматический лапоть». Но через это надо было пройти.

Авторитет А.Ф.Трешникова в городе и в Гидрометслужбе был достаточно высоким, и это способствовало решению многих задач, которые перед нами возникали.

Я не могу не вспомнить обстановку, в которой осуществлялась передача института из Главсевморпути в Гидрометеослужбу. Руководство Главсевморпути всячески препятствовало этому. Однако заместитель начальника Главсевморпути Евгений Иванович Толстиков был за этот переход. Разделились по этому вопросу и мнения сотрудников Главсевморпути – большинство было против передачи института. Аналогичная картина сложилась и в самом институте, хотя здесь

большинство склонялось все же к переходу в состав Гидрометеослужбы. В этих условиях позиция Алексея Федоровича, его авторитет и напористость вместе с усилиями Е.К.Федорова и Е.И.Толстикова, взяли верх. Я хорошо помню, какое давление на него оказывалось в то время. Он стойко держал удар.

Вместе с институтом в состав Гидрометеослужбы была передана и хорошо функционирующая сеть полярных станций, арктические радиометеоцентры, дрейфующие станции, Советская антарктическая экспедиция, обсерватории на Диксоне, в Тикси, Певеке и на о. Хейса.

Это был очень интересный и насыщенный событиями период. В центре этих событий фигура Алексея Федоровича занимала одно из ведущих мест.

Я с удовлетворением вспоминаю тех, с кем мне пришлось активно сотрудничать в институте, и кто оказывал мне всяческое содействие. Помимо Алексея Федоровича, это был ныне здравствующий Д.Д. Максотов, в то время главный инженер ААНИИ, много сделавший для оснащения института ЭВМ. Среди ушедших из жизни я не могу не вспомнить известного полярника М.Е.Острекина, профессоров Г.Я.Вангенгейма и А.А.Гирса, Н.А.Волкова, П.А.Гордиенко, И.С.Песчанского, А.Н.Никольского, Н.И.Тябина и многих других.

Говоря о стиле работы Алексея Федоровича, нельзя не отметить его, безусловно, неординарную черту лидера, руководителя. У него это было в характере.

Вскоре после моего назначения и защиты в 1964 г. докторской диссертации, в чем А.Ф.Трешников сыграл определенную роль, поторапливая меня, Алексей Федорович улетел в Антарктику, оставив институт на меня, еще не вошедшего полностью в курс дела. Я расцениваю это как смелый шаг с его стороны и признак высокого и уважительного отношения к своему окружению.

С передачей института в Гидрометеослужбу связано одно из многих начинаний в деятельности нового начальника Гидрометеослужбы академика Е.К.Федорова с его опорой на Арктический институт и Алексея Федоровича Трешникова как его руководителя. Речь идет об оснащении Гидрометеослужбы новыми высококласными судами дальнего плавания «Профессор Визе» и «Профессор Зубов». Началось все с них. Потом этот процесс затронул и другие институты Службы, прежде всего, ГОИН и ДавНИГМИ.

Я был свидетелем и участником своего рода тендера, – на какой институт возложить функции головного института по использованию флота. Было несколько претендентов на эту роль, в том числе и Главная Геофизическая Обсерватория.

Тогда, вместе с Алексеем Федоровичем мы сформулировали программу исследований по проблеме взаимодействия атмосферы и океана.

В институте был образован отдел теории взаимодействия атмосферы и океана. К этому времени значительная часть специалистов-программистов, которые были, в основном, сотрудниками научных отделов института, с приобретенным опытом работы на ЭВМ, возвратилась в научные отделы. Вычислительный центр пополнился новым классом ЭВМ. По предложению Алексея Федоровича я возглавил новый отдел, который функционирует в институте и поныне.

В то же время в рамках программы исследования глобальных атмосферных процессов (ПИГАП), нами была предложена программа полярного эксперимента. Надо заметить, что в то время в рамках ПИГАП были очень популярны программы тропического эксперимента (ТРОПЭКС), Альпийского эксперимента (АльПЭКС), муссонного эксперимента (МОНЭКС) и др. Но к нашему предложению руководство ПИГАП в лице профессора Б.Десса, ведавшего программой ПИГАП в ВМО, отнеслось, мягко говоря, весьма прохладно.

Но как раз в это время (полагаю, это была реакция на наши инициативы) я был избран Президентом Международной комиссии полярной метеорологии международной ассоциации по метеорологии и физике атмосферы (МАМФА). В эту комиссию входили известные ученые из Америки, Канады, Норвегии, Австрии, Австралии. Среди них был большой приятель Алексея Федоровича Джо Флетчер, который накануне своей кончины был в Ленинграде и посетил Алексея Федоровича (я участвовал в организации этой, по сути дела, прощальной встречи). Он был другом Алексея Федоровича и стал потом и моим другом. Мы его называли «американским Папаниным». Был среди них и руководитель американской полярной программы «Айджекс» профессор Н.Унтерштейнер, мой секретарь по комиссии полярной метеорологии профессор О.Орвиг (Канада). На очередной встрече в Ленинграде, которая проходила в Доме Дружбы, мы по договоренности с Алексеем Федоровичем и Джо Флетчером собрали нашу комиссию, не пригласив на нее профессора Б.Десса, и приняли решение продвигать программу полярного эксперимента, как международную, не в рамках ПИГАП, а в рамках МАМФА.

Главной целью предлагаемой программы ПОЛЭКС и международного сотрудничества в ее рамках являлось выяснение роли полярных районов как зон стока энергии. При этом поддерживалась мысль, что вне рамок международного сотрудничества решить эту задачу вряд ли возможно. Понимали это и наши американские коллеги. С этой

целью в институт приезжал профессор Я.Бьеркнес, сын известного норвежского геофизика, профессора Б.Бьеркнеса, Д.Флетчер и др.

Алексей Федорович отчетливо понимал все трудности на пути реализации этой программы, включая трудности стратегического и политического характера. Я помогал ему в меру своих возможностей в научном плане, понимая, что весь груз геополитических препятствий, их преодоление и вся ответственность за принимаемые решения ложились на плечи Алексея Федоровича. Без его четкой позиции задача международного сотрудничества в Арктике могла бы быть похоронена в самом зародыше.

На эту тему мы опубликовали в свое время с Алексеем Федоровичем ряд статей в отечественных и иностранных изданиях.

Начатое в настоящее время по инициативе России планирование Программы третьего международного полярного года – одно из подтверждений необходимости развития инициатив по расширению исследований в полярных районах в рамках программы ПОЛЭКС, начатых с участием Алексея Федоровича более 35 лет назад.

Я с удовольствием вспоминаю годы, когда под руководством Алексея Федоровича и при его активной поддержке мы начали работы по автоматизации системы сбора и обработки информации на научно-исследовательских судах, по созданию автоматизированных комплексов новой аппаратуры, по планированию и осуществлению экспедиционных исследований по программе ПОЛЭКС.

Программа ПОЛЭКС по инициативе Алексея Федоровича получила новый импульс развития за счет расширения в ней океанологического блока. Под его руководством, с присущим ему размахом при организации экспедиционных исследований, эта программа внесла весомый вклад в изучение полярных районов.

Но в этих работах я уже не участвовал, т.к. в 1972 г. я был назначен директором Главной Геофизической обсерватории им.А.И.Воейкова. После моего ухода из ААНИИ, мы продолжали поддерживать с Алексеем Федоровичем добрые отношения, вплоть до самой его смерти.

Закончить свои воспоминания мне хочется одной забавной историей, участником которой был Алексей Федорович. Где-то в начале 1970-х годов я был приглашен в США для участия в одной из конференций в Фэрбенксе (Аляска), посвященной полярным исследованиям. Оттуда я попал в г.Сизтл, в Вашингтонский Университет, где находился центр осуществляемой в то время американской полярной программы «Айджекс». Ее руководителем был профессор Н.Унтерштейнер, с которым мы были уже хорошо знакомы и дружны. Он

привез меня в университетскую гостиницу, где меня поместили в номере, в котором, как оказалось, останавливался до меня Алексей Федорович. В номере, смеясь, Норберт Унтерштейнер спросил меня, знаю ли я что-нибудь об «эффekte Трешникова»? Я ничего не знал и попросил его рассказать. Тогда Н.Унтерштейнер показал на аппарат, стоявший у изголовья кровати, по виду напоминающий настольные часы с прорезью для монеты.

Оказывается, Алексея Федоровича не предупредили о назначении этого аппарата. Оставшись в номере один, он лег в постель, и сунул ради интереса монету в прорезь аппарата, как было на нем указано.

К его ужасу, матрац кровати пришел в движение, производя своеобразную операцию «массажирования», чего Алексей Федорович не понял. Он малость подрастерялся и, не поняв, в чем дело, решив, что он сделал что-то не так, начал выключать аппарат. Но этот аппарат, который я потом встречал в США в других гостиницах, предназначен для массажа, и по истечении определенного времени выключается сам.

Алексей Федорович, «исследовав» и постель, и аппарат, и не найдя выключателя, порвал какие-то провода и аппарат замолк вместе с постелью.

На другой день он поведал Н.Унтерштейнеру о случившемся, и, вдоволь насмеявшись, они обозвали этот эффект «эффектом Трешникова».

По приезде я напомнил Алексею Федоровичу об этом случае, и он со смехом пересказал мне эту историю и положение, в котором он оказался. А рассказчиком он был неплохим, юмор любил, ценил и понимал.

Николай Александрович Корнилов

кандидат географических наук,
1976–1994 гг. – заместитель директора ААНИИ,
участник многих полярных экспедиций,
Герой Социалистического Труда

Имя Алексея Федоровича Трешникова, наряду с именами других известных полярных исследователей, я узнал когда еще учился в Высшем Арктическом Морском училище им. адмирала С.О.Макарова. Позже, когда уже работал в Тиксинской обсерватории, его узнала и вся наша страна и ученые многих стран мира. Тогда, в 1954 году, он был начальником дрейфующей научно-исследовательской станции «Северный Полюс-3», которая была создана на льду в Северном Ледовитом океане вместе с другой станцией «Северный Полюс-4». Открытие этих станций широко освещалось в прессе и по радио. До этого времени все работы, которые советские ученые после Великой Отечественной войны проводили на дрейфующих льдах в Центральной Арктике, были закрыты. Об экспедициях «Север» и о работе дрейфующей станции «Северный Полюс-2» в прессе не было написано ни строчки.

Познакомился же я с Алексеем Федоровичем в Арктике, в марте 1962 г. Тогда он, директор Арктического и антарктического института, прилетел к нам на дрейфующую станцию «Северный Полюс-10», которая была открыта осенью 1961 года с борта атомохода «Ленин». К моменту его посещения мы пробыли на льдине почти полгода, хорошо ее обжили и обустроили.

Правда, за это время размеры своей наша льдина заметно уменьшилась: с 4 x 6 км до 800 x 1000 метров.

Прилетел он к нам 21 марта на самолете ЛИ-2 из аэропорта Темп на острове Котельный, где в течение нескольких дней находился в ожидании улучшения у нас погоды. Самолет приняли на ледовый аэродром, подготовленный на другой льдине, в 30 км от станции «СП-10». Такие аэродромы, созданные не на обжитой льдине, где располагается станция, называют «подскоком». Так вот на такой «подскок» и прилетел

Алексей Федорович. У нас для связи с «подскоком» использовался самолет АН-2, а при необходимости вертолет МИ-4. На последнем я как начальник станции и прилетел встречать директора. Вместе с ним к нам прилетели сотрудники института Н.А. Волков, А.В.Бушуев и В.Ф.Захаров. Посадив Трёшникова на место второго пилота, полетели на станцию. Во время полета я показал им окрестности станции, большие запасы угля, дизельного и авиационного топлива. На ледоколе мы привезли уголь, соляр, бензин, газ, пиломатериалы сразу на весь период дрейфа: на три или даже на три с половиной года. На станции он обошел все строения, поговорил с сотрудниками; врачу Н.Д.Исупову дал указание взять образцы снега и льда с разных участков льдины, в том числе и с места стоянки атомохода. Пробы отбирались для того, чтобы выяснить есть ли следы пребывания у льдины атомного ледокола. Операция по отбору проб была вызвана слухами о будто бы имевших место выбросах радиоактивных паров с борта атомохода во время высадки нашей станции. Анализ отобранных проб подтвердил, что атомоход никаких загрязнений не вызвал, снег и лед были абсолютно чистыми. Такой был Трёшников, – прежде всего забота о людях.

После ужина Алексей Федорович выступил перед коллективом станции, рассказал об институтских и городских новостях, о работах наших коллег в Антарктиде, о снежных заносах в Мирном и в шутку сравнил наши занесенные домики с мирянскими. На что мы ему ответили, что ядро нашей льдины, на котором размещены все наши объекты, имеет толщину от 12 до 17 метров и что, учитывая небольшие размеры самой льдины, разломы нам не грозят. Впоследствии мы оказались правы. В заключение встречи он предложил сотрудникам: если кто устал и хочет домой (все-таки прошла полярная ночь), то может подать заявление, и в течение апреля-мая его сменят. Из двадцати двух сотрудников таких оказалось четверо. Кроме этого А.Ф.Трёшников выразил готовность отдельно поговорить с каждым по личным вопросам. Желающих не нашлось.

Поздно вечером, когда на станции бодрствовала только вахтенная служба, мы сидели с ним в моем домике и долго беседовали.

Алексей Федорович, прекрасный собеседник и рассказчик, много рассказывал о своей работе на дрейфующей станции «Северный Полюс-3», о разломах и торошениях льдины, на которой находилась станция. Рассказал, что одну ночь на острове Котельный провел на полярной станции Котельный, куда его пригласил начальник станции А.Б.Будрецкий. Станция ему понравилась: все строения, научные павильоны и территория находятся в образцовом порядке. Будрецкого он пригласил принять участие в работах САЭ. Так, с легкой руки Алексея Федоровича

А.Б.Будрецкий на долгие годы сменил Арктику на Антарктиду. Мне он дал много ценных советов как бороться с таянием в летний период, как избежать вытаивания вокруг домиков, чтобы они не оказались на ледяных постаментах и массу других советов из своей жизни на дрейфующих льдах. Я рассказал ему о своей работе в обсерватории Тикси, о навигации 1957 года, когда двухгодичные льды подошли вплотную к мысу Буорхая, чего практически там никогда не наблюдалось. Алексей Федорович слушал с большим интересом. Ведь море Лаптевых ему было очень хорошо знакомо: на Новосибирских островах он начинал свою полярную жизнь. Потом разговор перекинулся на Антарктику, он рассказал о своей зимовке в Мирном, об участии в походах, открытии станции Восток. Незаметно прошло несколько часов, так что мы довольно поздно легли отдыхать. На другое утро Алексей Федорович улетел на Темп и дальше через Тикси в Ленинград.

Следующее запоминающееся событие, связывающее мою жизнь с Алексеем Федоровичем, произошло в 1963 году, когда я в должности начальника станции Молодежная готовился в Девятую Советскую Антарктическую Экспедицию (САЭ). В эту экспедицию на Молодежной планировалось начать большое строительство домов из нового негорючего материала, никогда ранее не применявшегося в Антарктиде, — из арболита. Для этого в коллектив станции был включен специальный строительный отряд. А чтобы максимально использовать благоприятный период года (антарктическое лето), основной персонал, включая строителей, решено было отправить в Антарктиду воздушным путем по трассе, проложенной в 1961 году самолетами ИЛ-18 и АН-12. Руководителем перелета был Алексей Федорович Трешников.

В период подготовки он часто собирал руководителей станций и отрядов, слушал доклады о том, как идут сборы экспедиции, какие трудности. Давал рекомендации, что и как лучше сделать. А если требовалась его помощь, активно включался, звонил в любые инстанции, не взирая на лица. Если требовалось его личное присутствие, безотлагательно ехал, встречался с нужными людьми и, как правило, добивался положительного решения вопроса. Проводимые им диспетчерские совещания всегда отличались четкостью поставленных задач и оперативностью их решения. Не поощрялось и строго наказывалось, если данное кому-то из участников совещания поручение не было в срок выполнено. Он сам был человек очень организованный и требовал того же от других. Ценил свое время и требовал этого от своих подчиненных.

А вопросов, которые нужно срочно решать, было много, особенно с оформлением разрешения на полет двух ИЛ-18. Ведь маршрут проходил через четыре страны и американскую антарктическую станцию

Мак–Мердо. Хотя в 1961 г. по этой трассе уже летали два советских самолета, но тогда это был экспериментальный технический рейс; теперь же – транспортный, с доставкой на антарктический континент 80 участников 9 САЭ. Оформление разрешения на перелет через эти страны занимало массу времени. Нелегко решалась и проблема с выделением валюты на обеспечение перелета, заправки самолетов топливом и обслуживание в аэропортах посадки. Алексей Федорович (между собой мы называли его «Наш Шеф») блестяще справился с этими сложными задачами.

20 ноября 1963 г. около 23 мск два ИЛ–18 стартовали из Москвы в Антарктиду. Маршрут полета проходил через Ташкент, Дели, Рангун, Джакарту, Дарвин, Сидней, Крайстчерч, Мак–Мердо (американская антарктическая станция), Мирный.

Когда мы прилетели в Крайстчерч, то выяснилось, что в Мирном прошла пурга, и расчищенную взлетно–посадочную полосу (ВПП) занесло. Нужно ее снова расчищать, на что потребуется несколько суток. Пришлось стоянку в этом аэропорту продлевать с одних до четырех суток. Но когда прошли и эти четверо суток, ВПП в Мирном все еще не была готова. Алексей Федорович с помощью радистов станции Молодежная Я.П.Баранова и В.М.Яковлева связался с Мирным, выяснил в каком состоянии ВПП и принял решение перелететь в Мак–Мердо. На другой день утром, получив согласие на прием от американских полярников, самолеты вылетели на антарктический континент. По прибытию в Мак–Мердо стали ждать согласия на прием из Мирного.

На американской станции мы пробыли несколько дней. Полоса в Мирном по–прежнему не была готова. После совещания по радио с руководством 8–й САЭ и командиром авиаотряда было принято решение вылетать в район Мирного и произвести посадку на лед на озере Фигурном в оазисе Бангера. 3 декабря 1963 г. оба самолета благополучно перелетели в оазис Бангера. Оттуда участников экспедиции и экипажи самолетов перевезли в Мирный на самолетах ИЛ–12 и ЛИ–2.

В обсерватории Мирный мы пробыли до 19 декабря. За это время я знакомился с жизнью обсерватории, ведь я впервые был в Антарктиде и мне все было в диковинку: и жилые дома, и научные павильоны, находящиеся под многометровой толщей снега, и внутриводный лед в море Дейвиса, и, конечно, колония императорских пингвинов. Все – впервые, все – очень интересно. А Трешников вместе с Сомовым обошли всю обсерваторию, осмотрели все здания, сооружения и их состояние. Вместе с руководством обсерватории и начальниками отрядов обсудили варианты спасения обсерватории от заносов снегом. На каком из вариантов остановились – не помню, но в конечном

счете пришли к мнению, что нужно перестраивать обсерваторию. Позднее это и было сделано.

Сезонный научный отряд под руководством А.П.Капицы был отправлен самолетами ИЛ-14 на станцию Восток. Отсюда им предстояло на тягачах совершить внутриконтинентальный поход по еще не изведанным местам на Полюс Относительной Недоступности и далее в Молодежную. Наконец, настала и наша очередь – коллектива станции Молодежная. Первым рейсом улетели строители и гидрографы, а последним – А.Ф.Трещников, М.М.Сомов, Ю.А.Хабаров и я. После ночевки на полу каюткомпании австралийской станции Моусон 20 декабря мы прилетели на Молодежную, которая встретила нас ясной солнечной погодой.

Через день мы в том же составе полетели на разведку дороги, по которой поезд Капицы с ледникового плато должен был спуститься на Молодежную. В течение семи часов были тщательно осмотрены подступы к Молодежной с юга на глубину в 600 километров. Дорога была найдена. Алексей Федорович дал мне указание перед подходом поезда обвеховать трассу и выслать навстречу ему из Молодежной тягач с группой гидрографов. Он очень беспокоился о походе Капицы, – ведь по этому маршруту никто никогда не ходил. Безопасность людей всегда была для него на первом месте.

В следующие дни посетили станцию Новолазаревская и 28 декабря вернулись в Мирный. 3 января 1964 г. оба ИЛ-18 вылетели из Мирного в Москву, куда благополучно прибыли 11 января.

Следующая моя встреча с Алексеем Федоровичем в Арктике произошла весной 1966 г. в Высокоширотной воздушной экспедиции «Север-18». Программа этой экспедиции была очень насыщена. Кроме обычных научных наблюдений, снабжения станций «СП-13» и «СП-13Ф», эвакуации персонала «СП-14», предусматривалось открытие двух новых дрейфующих станций «Северный Полюс-15» и «Северный Полюс-15Ф». При этом в районе «СП-15», в радиусе 200 км планировалось создать сроком на 6 месяцев 4 небольших станции (по два человека на каждой), на которых синхронно должны были проводиться астрономические и метеорологические наблюдения.

Как я уже писал, Алексей Федорович имел очень хорошую привычку, если время позволяло, то весной обязательно побывать в Арктике и посетить дрейфующие станции. Так было и на этот раз. Алексей Федорович прилетел в Арктику, в поселок Тикси, в самом начале мая. С ним вместе впервые прилетел на север известный писатель Б.Н.Полевой. Я как начальник экспедиции «Север-18» встретил их в аэропорту, доложил о ходе экспедиции и предложил, не откладывая в долгий ящик, полететь на дрейфующие станции. К этому времени уже была найдена

льдина для «СП-15», и на нее были доставлены первые грузы, включая домики и другое оборудование первой необходимости.

На «СП-13» они с большим интересом ознакомились с работами станции, осмотрели научные павильоны, жилые домики; в каюткомпании встретились с коллективом, много рассказывали. С «СП-13» мы перелетели на вновь строящуюся станцию «Северный Полюс-15». Встреча с коллективом проходила приблизительно по той же программе, что и на «СП-13». На «СП-15» нам пришлось ночевать на раскладушках в только что собранном домике, который его хозяева изрядно натопили.

На другой день, в День Победы, мы вернулись в Тикси. Здесь нас встречало командование местного гарнизона и пригласило к себе на праздник. После состоялась встреча в поселковом клубе с жителями поселка Тикси, которые очень тепло встретили Алексея Федоровича и Бориса Николаевича, долго не отпускали со сцены. Было очень много вопросов. Через несколько дней они улетели в Москву и Ленинград.

Следующая наша встреча произошла в период подготовки и проведения 13-й Советской Антарктической Экспедиции, начальником которой шел Алексей Федорович Трешников. Я снова шел начальником станции Молодежная. Планом этой экспедиции предусматривалось создание в Западной Антарктике новой советской станции Беллинсгаузен.

В экспедицию мы оба отправились на дизель-электроходе «Обь», в то время флагмане советского антарктического флота. Д/э «Обь» отошел от причала Ленинградского торгового порта 21 октября 1967 года, в канун празднования пятидесятилетия Советской власти. С первого дня рейса Трешников завел такой порядок. Дверь его каюты № 9 была всегда открыта, а все радиogramмы, которые приходили на судно из Антарктиды и института, лежали на столе. Каждый, кто был заинтересован, мог в любое время мог зайти и ознакомиться с их содержанием.

Однажды он пригласил меня к себе в каюту и поинтересовался, чем я намерен заняться после экспедиции. Я ответил, что серьезно не думал об этом, сначала надо нормально отзимовать на Молодежной и, скорей всего, снова пойти в экспедицию. На это он ответил, что с экспедицией нужно подождать, а сначала защитить кандидатскую диссертацию, и сразу порекомендовал несколько тем, связанных с Антарктикой. Я согласился.

В время нашего перехода до Антарктиды произошло одно знаменательное событие. Ученый секретарь института В.М.Пасецкий прислал радиogramму, в которой сообщил, что А.Ф.Трешникову присвоено звание профессора. По этому поводу он собрал у себя в каюте всех, находящихся на борту начальников станций и отрядов, а также

капитана судна Э.И.Купри и первого помощника В.А.Ткачева. Мы все сердечно его поздравили и с удовольствием выпили по хорошей рюмке армянского коньяка.

Так в многочисленных и, в основном, приятных хлопотах и заботах наш рейс подошел к концу. 25 ноября 1967 года д/э «Обь» вошел в сплоченные льды в районе станции Молодежная. Подобрали подходящую льдину, на которую выгрузили самолет АН-2. Спустя несколько часов он поднялся в воздух. Началась перевозка людей, продовольствия и грузов, необходимых для работы в летний сезон.

Одним из первых рейсов мы с Алексеем Федоровичем прилетели на станцию. Я с И.М.Титовским (начальником станции 12-й САЭ) занялся приемом-передачей станции, а он пошел осмотреть станцию, где впервые побывал в 1963 г. «Теперь это уже не та маленькая станция, — как он сам пишет в своей книге «Мои полярные путешествия», — что была здесь четыре года назад. На гряде под сопкой Озерной стоят на высоких сваях три дома из арболита; они раскрашены в яркие цвета, и это радует глаз.» На припае залива Алашеева он подробно ознакомился с работой аквалангистов-гидробиологов, которые остаются на зимовку в Мирном.

Перед ужином Трешников провел собрание старой смены, на котором представил меня, как начальника новой смены, ведь часть полярников из старой смены оставались с нами на сезон, до второго подхода Оби. Затем подробно рассказал о планах и задачах 13-й САЭ. После собрания Алексей Федорович рассказал мне какая интересная работа у аквалангистов-гидробиологов и как много могли бы мы, океанологи, узнать нового и нужного для нашей профессии, умея нырять под лед с аквалангом. Мне это тоже показалось очень интересным, и я даже пообещал Алексею Федоровичу постараться овладеть профессией аквалангиста. Но, к сожалению, слово не сдержал — не овладел, как-то не сложилось.

3 декабря для обеспечения безопасного выхода «Оби» из сплоченных льдов на чистую воду мы с Трешниковым на самолете ИЛ-14 (командир В.Н.Ермаков) выполнили подробную ледовую авиаразведку. Выход был найден. В тот же день поздно вечером я проводил его на «Обь», пожелал им с капитаном счастливого плавания и успешного выполнения напряженного плана 13-й САЭ.

Два месяца пролетели незаметно. 8 марта 1968 г. мы встречали дизель-электроход у причала станции Молодежная. Экспедиция на «Оби» пришла к нам, совершив кругосветное плавание вокруг Антарктиды, построив в вершине бухты Ардли на острове Ватерлоо пятую советскую станцию Беллинсгазен. Пока «Обь» разгружалась, Алексей

Федорович много времени проводил на станции. Он рассказал нам, как строили и открывали новую станцию. Объездил окрестности станции от горы Вечерняя до гор Городкова. За это время мы с ним в короткие вечерние часы о многом переговорили. Он мне, молодому руководителю разношерстного коллектива (ученые и строители), дал много ценных советов. Он советовал не вмешиваться в те дела, в которых ты не искушен, – вмешательство такого рода сковывает инициативу исполнителей, лишает их уверенности и даже может привести к ошибкам. Его советам я следую всю жизнь и очень ему благодарен.

20 марта «Обь», закончив грузовые операции и пополнив запасы топлива и воды, отошла от Молодежной курсом на Новолазаревскую.

Мы встретились с Алексеем Федоровичем уже в Ленинграде летом 1969 года.

После возвращения из экспедиции, я стал работать в антарктическом отделе института. Обработывал материалы, готовил к изданию труды 14-й сезонной САЭ, систематизировал данные о логистическом обеспечении зарубежных экспедиций, занимался другими нужными для отдела делами. Прошло некоторое время. На сердце не спокойно, тянет снова куда-нибудь туда, где нас нет. Встретил как-то начальника отдела кадров К.П.Румянцева. Он предложил мне развеять тоску, сходить еще разок в Антарктиду. Я согласился. Но согласовывая мою кандидатуру с директором К.П.Румянцев, услышал: «Пока Корнилов не защитит кандидатскую, я его фамилию в списках участников экспедиции чтобы не видел!» И я понял, что «Шеф» слово держит и сопротивление бесполезно. Нужно прикантовать себя к стулу и делать работу.

В 1974 г. я защитил кандидатскую диссертацию и вновь, но уже с чувством выполненного долга, пошел начальником зимовочного состава 20-й САЭ. По возвращении из экспедиции Алексей Федорович предложил мне занять должность его заместителя по научно-экспедиционной работе. Я согласился. В этой должности я сопровождал Алексея Федоровича в его последнем полете в Арктику, на дрейфующие станции «Северный Полюс-27» и «Северный Полюс-28» в апреле 1986 г. Тогда он уже не был нашим директором, но ему хотелось (и было свободное время) посетить форпосты полярной науки, познакомиться с новинками в полярных исследованиях. С нами вместе летели операторы телевидения в сопровождении полярного журналиста Владимира Стругацкого. На дрейфующих станциях и острове Жохова, где мы провели последнюю ночь, он живо всем интересовался, встречался с полярниками и летчиками, обслуживающими экспедицию «Север», и обещал снова посетить родную его сердцу Арктику. Никто не мог и предположить, что это его последний визит на Север.

Евгений Александрович Касаткин

Кандидат технических наук, старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского государственного
электротехнического университета «ЛЭТИ» (СПбГЭТУ)

Алексей Федорович был для меня «домашним университетом». Я впервые услышал о нем в 1967 г., когда познакомился с его дочерью Наташей. В 1970 г. 14 августа Наташа и я поженились. С этого момента я начал познавать моего тестя – Алексея Федоровича.

С первых дней нашего общения я почувствовал его открытость и естественность как со мной, так и с другими людьми, прежде всего товарищами по работе. Если он сердился, то открыто и яростно, если же радовался, то тоже откровенно. Людям такого типа приходится сталкиваться в жизни с большими трудностями, но зато и друзей, сподвижников у них всегда очень много.

Алексей Федорович принадлежал к той замечательной категории людей (сейчас вымирающих), которые жили не квадратными метрами, а интересами науки и имели государственное мышление. Именно эти качества, так теперь бесценные, объединили целую группу его соратников и учеников, с которыми он общался в творческих дискуссиях, как теперь говорят, «без галстуков», в домашней обстановке в городе и у себя на даче в Комарово, а также на дачах своих соратников по работе в Белоострове.

В моей памяти до сих пор сохранились многие сюжеты этих удивительных встреч людей, одержимых своей профессией. Если говорить откровенно, то образ Алексея Федоровича немыслим без его окружения. Недаром народная пословица говорит: «Скажи, кто твои друзья, и я скажу, кто ты».

Особенно тесным было общение с семьями Короткевичей, Корниловых, Крутских, Воскресенских, Кирилловых, Матусовых. Эти соратники по работе составляли, если так можно выразиться, «ядро домашнего штаба», обладающее огромной и разносторонней информацией о проблемах Арктики и Антарктики, ибо это ядро состояло из заместителей директора и руководителей ведущих отделов институ-

та. На этих домашних встречах на дачах в Комарово и Белоострове обсуждались научные и организационные вопросы будущих экспедиций, подводились итоги (без протоколов) проведенных работ. Именно поэтому на них бывали многие сотрудники института, в том числе и нынешний директор Иван Евгеньевич Фролов.

На этих домашних встречах, где в комфортности застолья соревновались жены, велись дискуссии, хоть и дружеские, но принципиальные, так как каждый отстаивал свою точку зрения. Особенностью этих встреч была традиционность: во-первых, дни этих встреч были известны заранее и, как правило, не менялись в течение многих лет; во-вторых, встречи происходили поочередно, то у одних на даче, то у других. Каждая хозяйка пыталась перещеголять другую в изготовлении оригинальных напитков, закусок и разнообразии вкуснейших пирогов.

К этим встречам Алексей Федорович и Татьяна Николаевна всегда и сами готовились, и ездили на них с большой радостью. Я видел, как Алексей Федорович молодец в ожидании этих встреч, ведь это были встречи с соратниками, с друзьями, со своей молодостью. Мне приходилось присутствовать на многих встречах, и у меня создалось впечатление, что это больше, чем встречи соратников. Это собиралась большая семья полярников, и все радовались друг другу. Дар общения, данный человеку от природы, в полной мере проявлялся на этих встречах.

После того, как в 1991 году не стало Алексея Федоровича, а также Евгения Сергеевича Короткевича, традиционные встречи полярников продолжают теперь уже в Белоострове, и одним из главных организаторов их стала вдова Евгения Сергеевича Валентина Дмитриевна.

Из многочисленных воспоминаний полярников на этих встречах я понял, что среди них плохих людей не бывает, ибо работа их проходит в экстремальных условиях и требует полной отдачи физических и духовных сил.

В народе надежный товарищ оценивается фразой – «с ним я пойду в разведку», а у полярников это звучит по-другому, но смысл такой же – «с ним я готов зимовать». На многих встречах полярников я часто слышал такие слова в адрес Алексея Федоровича.

У Алексея Федоровича было много учеников: наиболее близкие – это Эдуард Саруханян, Леонид Тимохов, Артур Чилингаров: они часто бывали у нас в Комарово.

Алексей Федорович был человеком общительным, несмотря на свою загруженность на работе, он писал книги, встречался с людьми самого широкого круга. У нас в Комарово на даче бывали академики

Д.С.Лихачев, Б.Б.Пиатровский, К.Я.Кондратьев и еще многие известные ученые.

Образ жизни Алексея Федоровича для нас был и остается примером высочайшего подражания: меня поражала его невероятная работоспособность, искренность, порядочность и доброта.

Заканчивая свое короткое домашнее видение Алексея Федоровича, я не сделаю открытия, но все же скажу, что работа в Арктическом и антарктическом институте – это было главным в его жизни, как и те товарищи–соратники и ученики.

Пользуясь случаем, я привожу стихи, написанные под впечатлением традиционных встреч полярников, которые я вынашивал долго, тем более, что окончив училище им. адмирала С.О.Макарова, я получил направление на полярную станцию о.Котельный Тиксинского района. Стихи написаны ко дню рождения Е.С.Короткевича 18 августа 2002 года. Получилась песня, которую я и спел на встрече полярников на мотив песни Олега Митяева «Как здорово».

Полярники, полярники,
Особый род людской,
Судьбой они повенчаны
С полярною звездой.
 В глазах у них сияние
 Небесных всех светил,
 И души их отчаянные
 Всевышний полюбил.
Поверить – не поверите,
Но испытать себя
Возможно лишь на Полюсе,
Понять, кто ты и я.
 И нету больше счастья,
 Чем встречи, с кем прошел
 Полярные ненастья
 И дружбу, что нашел.
Полярники встречаются
И вспоминают дни,
Полярные сияния
И все свои пути.
 Неведомые трудности,
 Кто не был, не поймет,
 Как замерзает тело,
 И как душа поет.
Пройдут года, но помнить нас
Все будут полюса.
У каждого полярника
Они свои всегда.

И покорять их снова
Уж новые пойдут.
И трудности неведомые,
Как прежде, их там ждут.
Нальем полней бокалы
За наши те деньки,
За трудности, за радости
На полюсах Земли.
За тех, кто уж не с нами,
Но помнить их всегда
Нам завещала память
И даже небеса.

P.S. к песне:

И все ж немного грустно,
Что праздник встреч – в душе,
Хотелось бы увидеть
Его в календаре.
И это всем полярникам
Большой подарок был,
Когда-то и Папанин
Об этом говорил.

Артур Николаевич Чилингаров

известный полярный исследователь,
Президент Ассоциации полярников,
доктор географических наук,
заместитель председателя Государственной Думы РФ,
Герой Советского Союза.

Я и сейчас часто ощущаю его присутствие, как будто он где-то здесь, с нами рядом. Я слышу его низкий голос, чуть надтреснутый, вроде бы схваченный легким морозцем, вижу его мощную фигуру, которой сама судьба казалось бы уготовила всегда быть впереди, на капитанском мостике, в головной машине санно-тракторного поезда в снегах Антарктиды.

Для меня он навсегда останется образом настоящего полярника – мужественного, стойкого, терпеливого, упорного в достижении цели, не теряющего присутствия духа в труднейших испытаниях в полярных экспедициях.

Алексей Федорович Трёшников прошел яркий путь от младшего научного сотрудника до директора национального полярного научно-исследовательского центра – Арктического и Антарктического научно-исследовательского института, от кандидата наук – до академика, внесшего своими трудами выдающийся вклад в исследования Арктики и Антарктики.

Я наизусть знаю его биографию. Самое большое впечатление на меня в свое время произвело то, что он был начальником дрейфующей станции «Северный полюс-3». Это потом мы стали привыкать к постоянным зимовкам на дрейфующих льдах, а в те далекие годы это были выдающиеся события. Их творили особые люди – настоящие герои. И А.Ф.Трёшников был одним из наиболее ярких их представителей.

Этот дрейф проходил в тяжелых условиях. Да легких зимовок на льдах, пожалуй, и не бывает. Я утверждаю сегодня, в апреле 2004 года, когда у полярников на вооружении есть новая техника, спутниковое обеспечение, самолеты и вертолеты, но жизнь на дрейфующих льдах не стала легче. Тот же холод, те же разломы, потери горючего и продовольствия, перемещения станции в короткий срок в пургу, когда мокрые люди на руках перетаскивают технику и приборы с одной льди-

ны на другую. Все это происходит и сейчас, как случилось со станцией «Северный полюс– 32».

Но мы уже многому научились у наших предшественников. И главное – мы научились не впадать в панику, а быстро и хорошо делать дело. И Алексей Федорович, сам пройдя суровую полярную школу, многому научил нас. Он навсегда остался для нас примером и в другом. Еще совсем молодым человеком в 1949 году за заслуги в изучении Арктики ему было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. И он им очень гордился. Но у него не было ни тени зазнайства, он всегда оставался равным среди равных. Впрочем, это не мешало ему оставаться твердым, волевым руководителем и в институте, и в экспедициях.

А.Ф.Трещников внес огромный вклад в географическую науку. Был непосредственным участником открытия подводного хребта Ломоносова в Северном Ледовитом океане. В Антарктиде под его руководством и при личном участии в 1957г. была создана на полюсе холода Земли станция «Восток», а в 1968 г. – первая отечественная станция в Западной Антарктиде – станция «Беллинсгаузен». Одно перечисление экспедиций с его участием, не говоря уже о громадной работе, которая проводилась по их организации и проведению, производят большое впечатление. После дрейфующей станции «СП–3» (1954–1955 гг.) Алексей Федорович был руководителем Второй советской антарктической экспедиции (1956–1958 гг.). В 1963–1964 гг. руководил перелетом Москва–Антарктида–Москва; в 1967–1968 гг. он был руководителем Тринадцатой советской антарктической экспедиции и в 1973 году возглавил экспедицию на НИС «Профессор Зубов» по завершению сезонных работ Восемнадцатой советской антарктической экспедиции. Многие, вероятно, помнят, что он руководил операцией по снятию людей с попавшего в ледовый плен у берегов Антарктиды д/э «Обь».

Можно долго перечислять многочисленные научные труды А.Ф.Трещникова, среди которых «Морфологический очерк окраинных морей Антарктики», монографии «Особенности ледового режима Южного Ледовитого океана» и «История открытия и исследования Антарктиды», за которую ему была присуждена золотая медаль Литке Географического общества СССР.

По инициативе А.Ф.Трещникова были разработаны и осуществлены крупные экспедиционные программы «ПОЛЭКС–Север» и «ПОЛЭКС–Юг». Он был инициатором создания Атласа Антарктики, за который в 1971 году был удостоен Государственной премии СССР. В 1972 году он (в соавторстве) опубликовал монографию «Структура

циркуляции вод Арктического бассейна», внесшую важный вклад в изучение динамики вод Северного Ледовитого океана.

Он был членом многих Ученых Советов, Научно-технических обществ и Международных научных комитетов.

Алексей Федорович стоял у истоков создания Межправительственной океанографической комиссии (МОК) ЮНЕСКО.

Он был верным другом, внимательным и чутким товарищем, очень любил свою семью.

Однажды, находясь в подмосковном санатории Узкое, Алексей Федорович позвонил мне и попросил приехать. Мы долго ходили по заснеженным дорожкам старинного парка, обсуждая разные полярные дела. Прощаясь, я невольно сказал ему: «Все-таки какой вы счастливый человек, Алексей Федорович, столько видели, академик, Герой, лауреат Государственной премии.» Он грустно посмотрел на меня и сказал: «Ты знаешь, я готов отдать все свои должности, награды и звания, только бы поправилась моя тяжело больная дочь!».

Алексей Федорович Трёшников работал и делал свое нелегкое дело не ради чинов и званий, не ради карьерных устремлений, а во имя познания непознанного, вместе с такими же, как он, людьми и в интересах людей.

Именно поэтому имя А.Ф.Трёшникова навсегда вписано в историю полярных исследований и сохранится в благодарной памяти многих поколений.

Эдуард Иосифович Саруханян
Советник Генерального секретаря ВМО
по Международному полярному году
2007/08 гг.

Николай Павлович Смирнов
Профессор,
декан экологического факультета РГГМУ

Наша первая встреча с Алексеем Федоровичем Трёшниковым произошла в декабре 1965 года в ресторане «Европейская» на банкете по случаю защиты Николаем кандидатской диссертации. Естественно, что уже задолго до этого мы знали и видели издали Трёшникова, директора ААНИИ, облеченного массой регалий, но вот так лично – это было в первый раз. Тому предшествовала небольшая история. Дело в том, что к 1965 году на кафедре океанологии Ленинградского высшего инженерного морского училища им. адмирала С.О. Макарова сформировалась небольшая группа аспирантов, работавших под руководством профессора Игоря Владиславовича Максимова над проблемой «Космогеофизический фон макропроцессов в океане и атмосфере». Проблема была новой, дискуссионной, как говорил Максимов: «Вы работаете в еще непризнанной области науки», а нам, естественно, хотелось ее официального признания. Одним из шагов в этом направлении представлялось создание специальной лаборатории в одном из Институтов Гидрометслужбы в Ленинграде, в которой мы могли бы разрабатывать методы долгосрочного прогнозирования климата с учетом влияния космических и геофизических факторов (солнечная активность, долгопериодные приливы, движение полюсов и изменения скорости вращения Земли). С этим предложением мы и направились в ноябре 1965 г. к руководителю Гидрометслужбы академику Евгению Константиновичу Федорову с письмом от И. В. Максимова.

Евгений Константинович принял нас очень приветливо, пытливно расспрашивал о нашем космогеофизическом подходе к проблеме изменений погоды и климата, понял нашу заинтересованность и в заключение сказал, что он проговорит с М. И. Будыко, тогдашним директором ГГО, и А. Ф. Трёшниковым вопрос о создании лаборатории в одном из руководимых ими институтов.

Вскоре после возвращения из Москвы мы были приглашены к М. И. Будыко. Он предложил нам создание лаборатории на условиях, которые заведомо не могли нас удовлетворить – нам дают год для работы, и если через год мы не покажем результатов, которые доказали бы преимущество нашего подхода по сравнению с существующими в области долгосрочного прогнозирования, лабораторию расформируют, а нас распределяют по другим отделам без права заниматься данной тематикой. Естественно, мы отказались, поскольку поставленная задача была нереальна.

От Трёшникова приглашения встретиться не было, но потом мы узнали через Максимова, что он ответил Федорову – «пусть придут, возьму всех, но лабораторию создавать не буду, пусть пока поработают над своими идеями в отделах, а дальше посмотрим». Это было уже лучше, но мы не спешили, надеясь все-таки на лабораторию. По этому поводу нам передали еще одно высказывание Трёшникова: «Максимовская школа, кланяться не любят».

Так прошел месяц, и мы все оказались на вышеупомянутом банкете. Тут после нескольких хороших тостов, Николай, сидевший между Трёшниковым и Максимовым, услышал голос Игоря Владиславовича: «Коля, ты этого толстяка люби. Он хороший толстяк». Хотя Алексей Федорович никогда толстяком не выглядел, а был просто физически крупным человеком. Николай воспринял это как благословение. В конце вечера Трёшников спросил: «Ну что, Николай Павлович, так Вы собираетесь к нам или нет?» – и получил положительный ответ. А далее почти вся максимовская школа оказалась в ААНИИ.

Мы столь подробно рассказали об этом эпизоде, во-первых, потому что с него начинается история нашего личного знакомства, а во-вторых, и это самое важное, что уже тогда проявилась одна из замечательных черт Алексея Федоровича – доверие и уважение к молодым и ищущим.

С особой значимостью это проявилось спустя семь лет в период создания программы «Полярный эксперимент (ПОЛЭКС)». Эта программа должна была стать составной частью Программы исследований глобальных атмосферных процессов (ПИГАП), осуществляемой в 1970-х годах Всемирной Метеорологической Организацией (ВМО). Однако по ходу подготовки Программы акценты были смещены больше на тропическую зону, а полярные области остались без надлежащего внимания. Именно тогда Алексей Федорович, с присущей ему любовью к полярным областям планеты, предложил активизировать разработку программы ПОЛЭКС, сказав как-то: «Ну, посудите сами, зачем советскому человеку ТРОПЭКС?». Первые

подходы к разработке программы, выполненные в отделах, не удовлетворяли директора. Нужны были новые идеи, новые подходы, порою, может быть, и несколько экстравагантные. И поэтому, однажды к Трёшникову пришли Г. Баранов, Э. Саруханян и Л. Тимохов (Николай оказался тогда вдали от Института, но мыслями рядом) и предложили свое видение Полярного эксперимента. Он поддержал нас. Эта неиссякаемая поддержка стала тем фундаментом, на котором вырос Полярный эксперимент. Задача создания программы, а потом и отдела Полярного эксперимента была непростой. Нужно было убедить членов Ученого совета ААНИИ принять программу вначале для Северной, а потом и для Южной полярной области. Нужно было возродить «прыгающие» экспедиции на дрейфующие льды Северного Ледовитого океана, которые могли дать и дали, в конечном итоге, уникальные результаты по структуре гидрофизических полей и циркуляции Арктического бассейна. Нужно было расширить экспедиционные работы на районы прилегающих морей и организовать морские и воздушные экспедиции в эти моря. Нужно было, наконец, двинуть, помимо программы «ПОЛЭКС-Север», программу «ПОЛЭКС-Юг», наполнить ее научным и организационным содержанием, создать и укрепить международные связи по этим направлениям.

В институте нужен был отдел Полярного эксперимента, который взял бы на себя большую часть упомянутых функций.

Объективности ради нужно сказать, что далеко не всегда все делалось, как говорится, сходу. Была и ревность старшего по отношению к нам поколения, было даже сопротивление, но постепенно, а особенно после возвращения в институт Николая, дела пошли все интереснее, и все больше ученых втягивалось в орбиту ПОЛЭКСа как в самом ААНИИ, так и за его пределами. И отдел Полярного эксперимента, который под руководством Алексея Федоровича Трёшникова состоял на первом этапе из 13 специалистов, на пике своего расцвета, когда руководство отдела он передал в наши руки, насчитывал уже около семидесяти человек. Лучше всего об этом времени и о роли Алексея Федоровича в этом процессе говорит выдержка из книги Б.Кошечкина «Притяжение полюсов».

«...именно теперь он (А. Ф. Трёшников – Ред), с любопытством и интересом потянулся к новому поколению, к молодежи. Рискнул, что редко делают маститые, собрать вокруг себя самых ярких, самых талантливых. Они же – самые беспощадные в оценках и споре. Выделил каждому формальную тему, а по существу – широчайший комплекс вопросов, рассмотрение каждого из которых может перерасти в докторскую диссертацию. Оснастил отдел самыми современ-

ными приборами, вычислительной техникой. Стал над этими ребятами, как некий бог Саваоф – советуя, опекая, защищая».

Если оставить за скобками несколько преувеличенную оценку пишущих эти строки и их коллег, эти слова отражают ту атмосферу доверия и тепла, которая исходила от Алексея Федоровича. Мы, и не мы одни, по-настоящему любили его и дружили с ним, делили с ним и радости, и горе, праздновали его замечательные юбилеи, избрание в член-корреспонденты, а затем в академики. И при всем уважении и любви к Алексею Федоровичу мы всегда говорили ему правду и никогда не льстили.

Вспоминается, как на проводах Эдуарда, уходившего начальником экспедиции «ПОЛЭКС-Юг-75» в пролив Дрейка, один из наших друзей, не работающий в ААНИИ, встал со следующим тостом: «Дорогой Алексей Федорович, для нас, пришедших сюда, сегодня один из самых замечательных дней жизни – мы встречаемся с выдающимся деятелем нашей эпохи. Когда мы с Вами, у нас такое чувство, что мы приобщаемся к истории, ибо это Вы делаете историю», – он продолжал, а мы с ужасом смотрели на Трешникова, зная его жуткую нелюбовь к подобного рода высказываниям. Его лицо постепенно багровело, и мы со страхом ожидали взрыва, не понимая, зачем не сет эту ахинею наш друг. Но тут, заканчивая тост, он сказал: «Я произнес тост, который мне написал Саруханян». Раздался хохот, ибо все знали – такого рода общение у нас не практиковалось, но Алексей Федорович по достоинству оценил юмор нашего друга.

«ПОЛЭКС-Юг-75» была первой экспедицией в Южный океан по этой программе. Потом пошли и другие – в Южный океан и в Северо-Европейский бассейн на судах, в Арктический бассейн – на самолетах, «прыгающих» от точки к точке и выполняющих океанографические станции с дрейфующих льдов. Они получили название экспедиции «Север». Самой, пожалуй, большой по размаху и полученным результатам была экспедиция «ПОЛЭКС-Север-76», охватившая весной 1976 г. практически всю северную полярную область. Одновременно, по единой программе работало более 10 судов, два самолета – лаборатории, два самолетных отряда экспедиции «Север», две дрейфующие станции и более 40 наземных аэрологических станций. Программу экспедиции разработали ведущие специалисты ААНИИ с привлечением других институтов. А. Ф. Трешников был назначен начальником экспедиции, мы двое – его заместителями. Штаб экспедиции располагался на НИС «Профессор Визе», и только в конце экспедиции Алексей Федорович перебрался на НИС «Профессор Зубов». Оба судна работали в Северо-Евро-

пейском бассейне, но получали по радио информацию со всех других полигонов, включая Арктический бассейн (экспедиция «Север») и Берингово море (экспедиции на судах ДВНИГМИ).

Очень теплой была наша встреча в порту Рейкьявик, куда оба судна зашли, чтобы пополнить запасы топлива и продовольствия, а руководство экспедиции получило возможность обсудить ход выполнения работ. Несмотря на отдельные неудачи, которые были естественны в таком громадном мероприятии, задачи эксперимента выполнялись успешно. Поэтому мы имели возможность слегка передохнуть и посмотреть ландшафты Исландии. И тут нас поразила та любовь к природе и жажда, с которой Алексей Федорович стремился освоить каждую новую географическую точку на планете. Он с огромным интересом осматривал вулканические породы Исландии, ее гейзеры и горячие голубые озера. Было ясно, что география – любимая и верная спутница его жизни, что он жадно вглядывается в каждый географический ландшафт, хотя, как он однажды признался, его первая зимовка в Антарктиде была ему как первая любовь. Помнится, как в той же экспедиции, но уже во время захода в Абердин, Алексей Федорович предложил нанять автобус и двинуться на знаменитое озеро Лох-Несс, чтобы, если повезет, увидеть озерное чудо «Несси», о котором тогда столько писали. «Несси» мы не увидели. Как пояснил гид, это обычно случается после двух бутылок виски, но само озеро и окружающий его ландшафт со старинным шотландским замком впечатляли, и было поразительно, с какой юношеской энергией и ловкостью Трешников поднимался на прибрежные кручи. Потом мы пили Stella Astor в баре на берегу озера, и когда один из нас кинулся платить, чтобы опередить шефа, он пошутил: «Чувствует себя Ротшильдом». Это был намек и на те скромные валютные суточные, что мы получали, и на наше стремление показать, что мы тоже что-то можем.

Вообще чувство юмора было одним из отличительных свойств Трешниковского характера и по этому поводу вспоминается эпизод, происшедший несколько позже, но тоже имевший отношение к ПОЛЭКСу. В конце 1970-х, когда мы уже активно работали в обоих полярных океанах, возник достаточно мощный конкурент, а точнее, претендент на использование судов Госкомгидромета, включая суда, принадлежащие ААНИИ. Мы говорим об академике Г.И.Марчуке, который был в то время председателем Госкомитета по науке и технике и одним из заместителей председателя Совмина СССР. Сами понимаете, конкурент не из простых. Марчук на основании модельных расчетов выдвинул гипотезу об определяющей роли аномалий

тепла в Северной Атлантике в формировании погодных условий Европейской территории СССР, и предложил программу «Разрезы» с целью оценить переносы тепла в этой области океана и использовать их в качестве предикторов в численных схемах долгосрочного прогноза погоды. Выполнять разрезы должны были экспедиции на судах Госкомгидромета, ибо, как шутили у нас, перефразируя популярную песню, «Марчук играет на гитаре, а Израэль ему поет». Не говоря уже о том, что большинству из нас было ясно, что наблюдения на разрезах нерепрезентативны для оценок переносов тепла в океане, само проведение этих экспедиций отвлекало суда ААНИИ от участия в программе ПОЛЭКС. Что предпринять?

Алексей Федорович пригласил нас для совета и был настроен весьма решительно – суда отстоять. Но мы понимали неравенство сил, и тогда Эдуард сказал: «Алексей Федорович, поезд уже пошел. Машинистом Марчук. Но Вы ведь не Анна Каренина, чтобы лечь под поезд. Поэтому надо занять место рядом с машинистом и направить поезд по нужному пути». Трёшников расхохотался и после этого часто повторял: «Саруханян убедил меня, что я не Анна Каренина». А в жизни это было реализовано следующим образом. Мы поехали на семинар, организованный Марчуком, и выступили с докладом «Энергетические полигоны, как метод исследования крупномасштабного взаимодействия атмосферы и океана», в котором показали, что оценки переноса тепла и теплоотдачи в энергоактивных зонах океана наиболее достоверно определяются по результатам площадных океанографических съемок типа тех, которые мы выполнили на полигоне в Норвежском море во время «ПОЛЭКС–Север–76». Подобные полигоны могли бы быть организованы вблизи Ньюфаундленда и Флориды в Северной Атлантике, а также в ряде районов Южного океана, где также имелись энергоактивные зоны. Тем самым мы вносили свой вклад в программу «Разрезы», продолжая осуществление программы ПОЛЭКС, как принято выражаться, загоняя шар в две лузы. Марчуку доклад понравился, но он пришел в еще больший восторг, когда на второй день семинара выступил Алексей Федорович и в присутствии ему стили руководителя крупномасштабных проектов изложил свою точку зрения на организацию и реализацию программы «Разрезы». После этого Марчук попросил Трёшникова возглавить Рабочую группу по этой программе. Поезд пошел, но уже при двух машинистах, и теплые дружеские отношения связали этих двух крупных людей на долгие годы.

А программа ПОЛЭКС продолжалась и приносила все новые результаты.

Знания о северной и южной полярных областях расширились настолько, что о Северном Ледовитом и Южном океанах и атмосферных процессах над ними мы уже знали больше, чем о других океанах Земли. Были опубликованы сборники трудов, брошюры и монографии. И неслучайно поэтому на проходившей в мае 1979 г. в Ленинграде выездной сессии Отделения физики атмосферы, океанологии и географии АН СССР, посвященной результатам работ по программе ПОЛЭКС, академик А.М.Обухов сказал: «Ну, Алексей Федорович, Вы своим ПОЛЭКСом показали, как надо работать в науке». И, как говорится, награда нашла героя. Алексей Федорович был избран член-корреспондентом, а затем действительным членом АН СССР. Оценили и его приверженность и любовь к географии – на проходившем в октябре 1980 г. в Киргизии Съезде Географического общества СССР А.Ф.Трешников был единогласно избран президентом Географического общества. Закрывая съезд, Алексей Федорович неожиданно для делегатов, а особенно для нас, никогда не видевших его читающим стихи наизусть, прочел замечательные стихи Михаила Дудина «Берегите Землю», что так не вязалось с традиционным стилем тогдашних речей и было задолго до нынешнего «экологического бума», но так соответствовало его жизненной позиции и всей его деятельности и на посту директора ААНИИ, и президента Географического общества, что зал встал в едином порыве, устроив Трешникову овацию.

А жизнь продолжалась. Годом позже Алексей Федорович перешел из ААНИИ на кафедру океанологии Университета и одновременно возглавил Институт озероведения. Мы продолжали встречаться с ним в его квартире у Троицкого моста, на даче в Комарово, в академическом санатории в Узком. И здесь, наверное, само время вспомнить верного друга жизни Алексея Федоровича – Татьяну Николаевну, без которой жизнь Трешникова, вероятно, была бы совсем другой. Они встретились будучи студентами Университета, поженились в 1939 году, и, как говорили мы на праздновании 60-летия Трешникова, «он за эти годы не менял ни места работы, ни жену». Место работы он позже, правда, сменил, но в 1989 г. мы праздновали в ресторане «Невский» золотую свадьбу Трешниковых. В стихах, написанных по этому поводу, были строчки, посвященные Татьяне Николаевне:

Уводила дальняя дорога
С полюса на южный материк,
Но ждала все время у порога
И душою была рядом каждый миг.

Многое случалось в жизни бурной,
Радости, невзгоды пополам,
Мужество, достоинство и мудрость
Никогда не изменяли Вам.

Мы всегда воспринимали их как единое целое и дружили и любили обоих.

Помимо большого количества научных статей, монографий и замечательных книг, посвященных исследованиям Арктики и Антарктиды, Алексей Федорович никогда не отказывался писать предисловия к книгам, написанным его учениками и сподвижниками. Мы тоже были удостоены такой чести, Алексей Федорович трижды писал для нас предисловия. В одном из них, обращаясь к полярникам, прошедшим школу СП, он написал: «В будущем, оглядываясь на пройденный путь, оценивая все сделанное, они поймут, что прожили интересную жизнь». Это действительно так, и мы счастливы тем, что одни из самых интересных и незабываемых страниц нашей жизни были связаны с Алексеем Федоровичем Трешниковым, нашим Учителем и Другом.

Василий Иванович Шильников

Профессиональный ледовый разведчик–инструктор, участник многих полярных экспедиций. Почетный полярник, Отличник Аэрофлота, Отличник Гидрометслужбы.

Шел 1957–й год. 18 ноября д/э «Обь» подошел к припаю шириной около 40 км на рейде Мирного и начал форсировать его, одновременно производя выгрузку на сани, которые тракторами перевозились по припаю в Мирный. Несколько позже подошел к припаю т/х «Кооперация». Я перешел с т/х «Кооперация» на д/э «Обь» и был включен в гидрологический отряд. По судну объявили: «Шильникову пройти к вездеходу, который стоит у борта «Оби». Через несколько минут я был в вездеходе. Водитель пояснил, что по заданию Трёшникова он должен доставить меня в Мирный. В Мирном А.Ф.Трёшников тепло приветствовал меня, поздравил с прибытием к берегам Антарктиды. Передо мною стоял выше среднего роста широкоплечий русский человек. Выглядел он очень внушительно. Видимо, полярная форма содействовала этому. Вот такими я и представлял себе в юности полярников, папанинцев. Алексей Федорович сразу же перешел к делу: «Ты включен в гидрологический отряд. На этот отряд возлагается ледово–дорожная служба для обеспечения безопасности движения тракторов с грузами по припаю «Оби» до Мирного. В этом отряде, кроме тебя, никто не видел морского льда, а ты уже три навигации отлетал в Арктике на ледовой разведке и год дрейфовал на «СП–4». В прошлом году вы с Павлом Афанасьевичем Гордиенко на д/э «Лена» обеспечивали работу гидрографической экспедиции в Восточном секторе Антарктики, в исключительно сложный осенний период. Ты – профессионал. Поэтому в первую очередь ты будешь обеспечивать безопасность разгрузки и движения тракторов с грузом по припаю в Мирный и отвечать за эту работу. Отвечать за безопасность движения наземного транспорта вблизи берега около м.Мабус, где раньше всего разрушается припай из–за загрязнения его копотью от электростанции, будет Н.П.Шестериков».

Далее А.Ф.Трёшников продолжил: «Особое внимание, кроме припая под барьером у Мирного, следует уделить местам, где появились снежницы и где транспорт должен пересекать приливные трещины, отходящие от сидящих на мели айсбергов и островов. Часто они плохо заметны, так как покрыты ледяными козырьками и снегом. Но полностью обойти трещины – это большая потеря времени. У нас дела с разгрузкой идут в 2,5 раза медленнее, чем мы запланировали. Вот тут и нужен профессионализм. Надо найти места, где можно переехать трещины. Но все надо делать разумно, нельзя рисковать. Потеря груза приведет к срыву программы научных исследований и обеспечения нормальной жизнедеятельности полярников. Рекомендую первоначально пустить через трещину трактор без груженых саней, проверить – не произошли ли опасные изменения в характере трещины, и только тогда пустить трактор с груженными санями. (На практике пересекали трещину шириной 20 см). В этом месте поставьте флажки, а восточнее – оградительные предупредительные знаки. В этом помогут гидрологи из вашего отряда. Всех трактористов обязательно каждый раз информировать о состоянии дороги, особенно в местах пересечения трещин. Строго настрого предупредите, чтобы ни одного шага за пределы этих знаков не делали. По мере продвижения судов в припае своевременно намечайте флажками новую трассу, на которой снова измеряйте толщины льда. По одной колее не ездить, иначе она быстро разрушится. В твоём распоряжении вездеход. Отдыхать будешь сообразуясь с обстановкой, например, когда идет погрузка саней или когда на трассе нет наземного транспорта. Разведчики – народ выносливый. Мне Павел Афанасьевич говорил, что разведчикам порой на проводке судов приходилось без отдыха выполнять по 2–3 вылета».

Прощаясь, А.Ф.Трёшников пожелал успеха, и я уехал из Мирного на трассу. Все шло нормально. Уже 3 января д/э «Обь» и т/х «Кооперация» были на траверзе острова Хасуэлл, в 10 км от Мирного. До конца грузовых операций оставалось меньше недели как случилась беда. Трактор с груженными санями в 4 км от Мирного провалился в трещину, но не утонул. Сани с трактором взаимно заклинились. Я был у места событий, когда туда приехал А.Ф.Трёшников. Он сразу спросил меня, был ли сделан трактористу инструктаж? Я ответил утвердительно. Этот же вопрос он задал трактористу. Тот признался, что Шильников объяснил ему, какие опасности могут подстергать на трассе, и предупредил, чтобы самовольно никуда не сворачивал с дороги. «Почему ты нарушил это распоряжение? – спросил Алексей Федорович. «Я хотел сократить дорогу, чтобы побыстрее приехать в

Мирный», – ответил тракторист. «А теперь “побыстрей” приедешь домой, скоро суда покинут рейд Мирного. Переходи на т/х «Кооперация». Я дам соответствующие распоряжения. На зимовке нам не нужны разгильдяи!»

Откровенно говоря, мне было жаль молодого тракториста, только что отслужившего в Армии. Но А.Ф.Трещников был прав: Антарктика не прощает разгильдяйства. На место событий были вызваны два трактора. Они одновременно стали тянуть в разные стороны: один – сани, другой – трактор. Операция кончилась успешно.

После окончания разгрузки мы с Н.П.Шестериковым встретились с А.Ф.Трещниковым, который поздравил нас с успешным завершением разгрузки судов, и рассказал, что еще М.М.Сомов говорил о необходимости написания «Инструкции по обеспечению безопасности перевозки грузов на припае». Вопрос этот важный. Нельзя допускать повторения случая, когда трактор проломил лед и тракторист Хмара утонул вместе с трактором. «Я вам с Н.П.Шестериковым даю поручение: во время плавания на д/э «Обь» подготовить проект такой Инструкции и статью в Бюллетень Советской Антарктической экспедиции. Документы должны содержать методику расчета грузоподъемности льда. Интуиция – это хорошо, но она разная у всех людей. А тут нужна однозначная оценка».

Написанную совместно с Н.П.Шестериковым статью и проект Инструкции по возвращении из экспедиции мы сразу же сдали А.Ф.Трещникову. Статья была опубликована в Информационном Бюллетене Советской Антарктической экспедиции, №7, 1959 года.

Николай Николаевич Брязгин

Кандидат географических наук,
начальник «СП-11»,
сотрудник отдела метеорологии ААНИИ

Впервые я услышал об Алексее Федоровиче еще студентом ЛВИ-МУ имени С.О. Макарова, когда он был начальником дрейфующей станции «Северный Полюс-3». Потом – во время выпускных экзаменов в 1955 г., на которых он был председателем экзаменационной комиссии. Кто-то из членов комиссии задал мне вопрос, как изменяется ветер на высотах. Я замешкался. Тогда Алексей Федорович намекнул о радиозонде. Я сразу же ответил, но подумал, что пятерку уже не поставят. Поставили, по его настоянию – он узнал, что я уже зимовал в Арктике в 1947–1950 годах. В этот же год меня пригласили на работу в Арктический институт. Тогда я и представить не мог, что сам со временем буду начальником дрейфующей станции. Это случилось в 1962 г. Коллектив станции «Северный Полюс-11» высаживался на новую льдину. Искали её с самолета долго. Дрейф новой станции начинался севернее острова Врангеля. Полярные летчики – народ смелый: не боятся ни медведей, ни торосистых льдов, ни метелей. Садятся на лед: выбегает из самолета гидролог с ручным буром, измеряет толщину льда. Если толщина не более 30 см, то быстро взлетают и ищут другую льдину. Боялись только начальства, особенно из горкомов и обкомов. И не зря. Однажды я был свидетелем того, как пострадал второй пилот. В одном из аэропортов в Арктике пассажиры проходили в самолет. Второй пилот отодвинул в сторону молодого мужчину, чтобы пропустить вперед женщину с ребенком. Через месяц этого пилота сняли с полетов. Оказалось, что мужчина, которого он задержал при посадке, был обкомовским инструктором. Он пожаловался своему начальству. Что уж он говорил, но, видимо, не всю правду. Летчик потом снова летал, но с тех пор уже не так строго следил за правилами посадки в самолет.

Льдину, пригодную для размещения нашей станции нашли через две недели. Только высадились, – прилетел А.Ф.Трешников. Я до-

жил обстановку, приготовился показать лагерь. Он сказал, что сам посмотрит, а меня отправил проводить наблюдения. Выполняем с метеорологами маршрутную снегомерную съемку. Вдруг видим – приближается «мишка», а ружья нет. Припустили к лагерю, а палатки далеко, едва видно. Стали бросать инструмент, потом рукавицы, словом, все, что мешает нам увеличить скорость. Оглядываемся, – медведь обнюхивает оставленные вещи, не бежит, но и не отходит. Примчались в лагерь, тут наши собаки, к счастью, остановили медведя.

Не сказав никому, схватили карабин, хотели «уложить» медведя, но уже сбежался народ, небольшая паника. Медведя припугнули, дали убежать, а мне Алексей Федорович сделал выговор за возникновение паники. Мне – наука. В кают-компании стали вспоминать о встречах с медведями. Известно, что медведи в основном питаются нерпой (тюлень). Ляжет медведь у лунки и прикрывает лапой свой черный нос. Все: «Ха-ха-ха, такого не бывает!» А Алексей Федорович говорит, – «Нет, ребята, это правда, медведи так и охотятся, когда чуют, что нерпа выныривает. Если она увидит на снегу черное пятно (нос медведя), тут же скрывается под лед».

Алексей Федорович дал мне много полезных советов. Вот один из них. Нам завезли несколько туш мяса. Он посоветовал подвесить их на вешала, тогда туши обветриваются, покрываясь тонкой корочкой, и мясо сохраняется все лето.

При Алексее Федоровиче случилось у нас торошение льда. Льды крошились, обломки громоздились на высоту трехэтажного дома. Ледяной вал льда приближался к лагерю. Все собрались и смотрели, было страшновато. Я, да и другие тоже, впервые почувствовал, что означает выражение «ватные ноги». Алексей Федорович, как человек опытный сказал, что льдина выдержит. Торошение вскоре закончилось. Все вздохнули с облегчением.

И еще я с благодарностью вспомнил его уже полярной ночью. Уезжая со льдины, он посоветовал перевезти мешки с углем (для отопления домиков) ближе к моей палатке. Я это сделал тайком, до начала полярной ночи и сильных морозов. Выдавал уголь экономно, и его хватило на всю зиму.

Уже без А.Ф.Трешникова произошел случай: на льдину совершил посадку американский самолет «СИ-47». Когда самолет заходил на посадку, наш парторг закричал: выкатывай бочки на полосу. Да где там бочки, если самолет уже рулит на середине полосы. Смолкли моторы, выходят два летчика. Они не знают нашего языка, мы – их. Стали фотографировать нас, а мы их. Я заглянул в салон самолета, там – ящики с продуктами. Ну, значит, этот самолет – снабженец, летает на свою дрейфующую станцию «Т-3». Всего 10 минут они и были у нас.

Поулыбались друг другу, сфотографировались, и самолет поднялся в воздух. А после этого разразилась бумажная буря: радиogramмы от министра, райкома партии с м.Шмидта. Я же все объяснял, как было.

За время зимовки много чего случалось.

Как-то вышел я из своего домика, а было это в марте, температура воздуха -40 градусов, светит солнце. Вдруг вижу: с крыши капает, и сосульки висят. В чем дело? Полез на крышу. Крыша была покрыта черным рубероидом, Солнечные лучи сквозь слой снега нагревают рубероид и снег тает, несмотря на холод. На материке в марте тоже с крыш капает, к этому привыкли, а в Арктике это редкое явление.

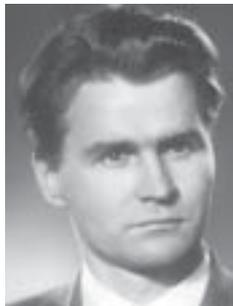
Запомнился также случай, который для меня мог бы закончиться плохо. Когда в полярную ночь началось торошение льда, и разводье разделило лагерь пополам, пришлось эвакуировать несколько домиков и кают-компанию. Я в темноте пошел вдоль разводья, — где-то оно должно кончиться. Шел по снегу и вдруг провалился в воду, едва успев раскинуть руки. С трудом выбрался на лед. Побежал к лагерю, одежда вся заледенела, как ком железа. Добежал до домика, переоделся. Наутро встал и хоть бы что, даже не кашлял. Когда перевозили лагерь на новое место трактор не мог сдвинуть кают-компанию (два соединенных домика на полозьях). Приказал разрубить на две части. Салон легко сдвинулся. Подцепили камбуз. Трактор не берет. Стали раскачивать, и только тогда трактор сдвинулся с места.

Заканчивая дрейф и покидая льдину, мы могли эвакуировать только научное оборудование и материалы наблюдений. Все остальное пришлось оставить на льдине. За нами пришел небольшой самолет «ЛИ-2». Сели на промежуточной льдине, где уже открывалась станция «Северный Полюс-12». По возвращении в институт я отчитался о работе станции на Ученом Совете. Научные материалы признали качественными, ценность их увеличивалась еще и тем, что станция дрейфовала в малоизученном канадском секторе Северного Ледовитого океана.

По работе в институте мне приходилось почти ежедневно видеть Алексея Федоровича. Встречался я с ним и по работе в Географическом обществе. Он был Президентом, а я заместителем председателя метеорологической комиссии. Как-то обсуждали план работы. Он спрашивает: а вы проводите заседания, посвященные памяти выдающихся метеорологов? Нет, — говорю. Посоветовал: пожалуйста, планируйте. Такие заседания стали проводить. Запомнилось заседание, посвященное академику Ф.Ф.Давитая, на которое приехали ученые и родственники из Грузии. Выступил и Алексей Федорович, напомнив о том, что Ф.Ф.Давитая был начальником Гидрометслужбы СССР.

Было время, когда по инициативе райкома партии все производства и НИИ посылали осенью своих сотрудников в совхозы и на овощебазы помогать в уборке урожая. Алексей Федорович – директор, как и все ходил на разгрузку картошки. В очередной раз мы работали на Калининской овощебазе. Пять человек вяло, лопатами, разгружали вагон с картофелем. Пришел Алексей Федорович, посмотрел на нашу работу. Взял тачку, да как врежет её снизу в кучу картошки. Мешка два набрал и ссыпал на транспортер. И так раз за разом. Вагон был разгружен. Я подумал, – вот сила. И так во всем.

Заключая эти короткие заметки, хочу сказать: Алексей Федорович – крупный ученый, талантливый организатор и гражданин, настоящий патриот своей страны. Десятки его учеников и последователей работают в нашем научном полярном обществе. В это необычайно трудное для науки время мы стараемся быть его верными и достойными учениками.

Владимир Васильевич Панов

Доктор географических наук,
начальник «СП-15»,
участник многих арктических экспедиций

1960-й год. Кабинет директора института. Нас собралось несколько человек. Настроение праздничное. За большим столом сидит Трёшников со звездой Героя Социалистического Труда: «Я рад приветствовать новых кандидатов наук» – говорит он. Пожимая крепко руку, протягивает Диплом кандидата наук с каллиграфически выведенной моей фамилией. «Утверждаю» и ниже подпись «А.Ф. – Трёшников». Так я впервые узнал нашего нового директора.

Впоследствии я, конечно, неоднократно встречался с ним. Всегда Алексей Фёдорович был доброжелательным, но требовательным. Собираюсь на дрейфующую станцию «Северный полюс-15». Грузим машину баллонами с газом, личными вещами. Нас ждет самолет. Сегодня вылетаем в Арктику. Произошла небольшая задержка. Приезжаем на аэродром, загружаем самолет. И тут я узнаю, что нас ждет на аэродроме Алексей Федорович. Он предупреждает: возможны трудности в поисках льдины для нашей станции. Желает нам доброго пути. В течение всего дрейфа станции Алексей Федорович следил за нами, давал добрые советы. Когда к нам на станцию повадилась медведица с двумя медвежатами, он рекомендовал попугать ее выстрелом в мягкую часть. Когда летом лед стал таять, и большие скопления воды стали малопроходимыми, рекомендовал пробурить лед и спустить воду.

После окончания зимовки, покинув нашу льдину «СП-15», я вылетел на «подскок». Но Н.И.Тябин рекомендовал мне вернуться назад, так как прилетел А.Ф.Трёшников и хочет посетить станцию. Пришлось возвращаться. За какие-то полчаса произошли необратимые изменения: льдина раскололась на две части. Трещина прошла через центр станции. Пытаюсь объяснить Трёшникову, что я сдал льдину целой. «Хозяин Арктики», как звали за глаза Алексея Федоровича, примирительно сказал, что так и бывает. Оставшись наедине с новым начальником станции Л.В.Булатовым, рекомендовал ему, как

«покорить льдину» и пустить через полюс. «СП-15» действительно прошла через полюс.

Писатель В.М.Санин хотел написать книгу о жизни Алексея Федоровича. Однако Алексей Федорович на это согласия не дал.

Я как-то спросил, – Алексей Федорович, а почему не оценили успехи нашего института в изучении Арктического бассейна? Открыты хребты Ломоносова, Менделеева, Гаккеля, глубоководные впадины и другие крупные особенности дна океана.

– Не смогли определить, кому давать премию. Получился большой список желающих стать лауреатами, – ответил А.Ф.Трешников.

Алексей Федорович был председателем секции Северный Ледовитый и Южный океаны Океанографической комиссии АН СССР и координировал океанографические работы институтов, занимающихся исследованием этих океанов. Ежегодно собирал он в Ленинграде представителей этих институтов. На этих координационных совещаниях обсуждались научные проблемы океанологии, метеорологии, геологии и биологии этих океанов. Алексея Федоровича отличала доброжелательность к любым «завиральным идеям». Но он не любил, когда предлагали расчетную модель явления без ее экспериментальной проверки.

Под руководством А.Ф.Трешникова в АНИИ разрабатывались новые направления научных исследований, необходимых для решения народно-хозяйственных задач страны.

Так, в 1966 году в Охотском и Японском морях от брызгового обледенения перевернулось несколько советских и японских рыбопромысловых судов. Перед институтом была поставлена задача: раскрыть физическую сущность обледенения судов и на основании этого разработать методику прогноза опасного явления. Алексей Федорович поручил решение этой проблемы, ее назвали «Лед», своему заместителю доктору физико-математических наук Е.П.Борисенкову. В институте была создана благоприятная обстановка для работы: ежегодно проходили научные конференции, регулярно печатались труды сотрудников института и сотрудников НИИ других министерств. В результате были разработаны методики прогнозов и атласы карт возможного обледенения судов в морях Мирового океана.

В семидесятые годы прошлого столетия перед нашей страной встал вопрос об освоении морских месторождений нефти и газа на шельфе острова Сахалин. Природа здесь суровая. В Охотском море морские льды бывают, как и в Арктике, 8–9 месяцев. Директор института отреагировал и на эту сложную проблему. Ученые АНИИ приняла активное участие в ее решении. В результате в конце про-

шлого столетия на шельфе Сахалина появилась ледостойкая платформа Витязь, которая выкачивает нефть с глубин моря.

Ленинградское отделение Гидропроекта обратилось с просьбой помочь в изучении льдов Финского залива для разработки проекта защиты города от наводнений. Когда я обратился к директору с просьбой о расширении работ в Финском заливе, Алексей Федорович сказал: «Городу надо обязательно помочь», и принял решение об участии института в разработке проекта создания дамбы в Финском заливе.

В ААНИИ в 1970–1980-х годах было не очень много докторов наук, хотя специалистов высокого класса хватало. Они были загружены отчетами и не торопились защищаться. По предложению А.Ф. Трешникова была создана комиссия Ученого совета, которая побуждала и содействовала подготовке докторских диссертаций. Результаты были положительные.

Таким был наш директор: строгим, требовательным и одновременно доброжелательным.

Владислав Михайлович Пигузов

Участник многих полярных экспедиций,
Почетный полярник, Почетный работник Гидрометслужбы России

Как многие полярники-ветераны я сохраняю добрую память об Алексее Федоровиче Трёшникове.

Насколько человек соответствует своему положению в обществе можно судить по тому, как он относится к тем, кто стоит выше и ниже его по социальной лестнице. Алексей Федорович вел себя со всеми удивительно ровно и естественно. С подчиненными – внимательно, просто, но без панибратства, к ближнему окружению – по-товарищески, с сильными мира сего – с достоинством и без подобострастия. Это был человек, как говорится, на своем месте и как администратор-организатор, как ученый и как полярник.

За годы работы в ААНИИ, в Арктике и Антарктике мне доводилось не раз встречаться с Алексеем Федоровичем. Некоторые встречи стали для меня судьбоносными. В 1971 году, имея за плечами 4 курса заочного отделения ЛВИМУ (с двумя отчислениями за неуспеваемость), я в очередной раз решил с учебой «завязать» (семья, дети, лень). Однако чуткие сотрудницы заочного отделения, которым такой примечательный «дремучий» заочник успел намозолить глаза, написали «донос» на имя директора ААНИИ. Весной 1971 года на «СП-19», где я уже успел отдрейфовать полгода, прилетевший на льдину А.Ф.Трёшников без лишних слов приказал мне «собирать чемоданы» и первым же самолетом отправляться в Питер «догрызать науку» с напутствием: «Я тебя арестовываю, как Корнилова, пока не будет диплома – никаких экспедиций!» (Н.А.Корнилов – один из его ближайших молодых сподвижников, заядлый экспедиционник, любимец всех полярников, которому он «перекрыл кислород» до защиты кандидатской диссертации). Так что суровое решение А.Ф.Трёшникова было для меня и полезным, и лестным. Хочешь – не хочешь, пришлось с головой уйти в учебу. Вряд ли без такого «дамоклова меча» хватило бы пороку успешно завершить многолетнюю учебу в «Макаровке».

В 18-й САЭ, будучи начальником станции Русская, работы по организации которой были остановлены по форс-мажорным обстоятельствам, мне пришлось длительное время и достаточно близко общаться с Алексеем Федоровичем в период операций по оказанию помощи зажатому антарктическими льдами д/э «Обь». А.Ф.Трешников по решению Правительства возглавлял спасательную экспедицию.

В какой обстановке ему пришлось работать? Потерявшую ход «Обь» несло мимо сидящих на мели айсбергов с перспективой угорнуть в ледяной мешок у подножия этих гигантов. Под натиском льда стали гнуться шпангоуты. Не раз на лед выходили взрывники с задачей ослабить напор льда взрывами. Ураганным ветром, оборвавшим крепящие тросы, повредило лопасти вертолета МИ-8, единственного на борту. До станции Ленинградская – 160 миль. При «ЧП» с судном – надежда только на АН-2, для которого нужна взлетно-посадочная полоса. Чтобы не поднимать паники в экипаже, силами одного коллектива станции Русская в трюмах (на случай повторения «челюскинской» эпопеи с высадкой на лед) начали изготавливать волокуши, подбирать ассортимент продовольствия, комплектовать щиты сборных домиков (если не ошибаюсь, три домика были подготовлены к выгрузке за борт). Делалось это под «фиговым листком» прикрытия возможной передачи материальных ценностей на станцию Ленинградская, снабжение которой еще было не завершено.

Позднее, когда Ю.К.Карлов, капитан идущего на выручку д/э «Наварин», сообщил, что ближе 300 км подойти к «Оби» не сможет, было принято решение об эвакуации с борта д/э «Обь» участников экспедиции и женщин экипажа, то далеко не все сохранили самообладание. Лично был свидетелем, как некоторые «шварценегеры» и «сталлоне» с накачанными мышцами зывали к капитану С.И.Волкову: «...Как? Этих вот ...вывозят, а мы – погибай?!» Под сомнительными предложениями два экипажа вертолетов на борту «Наварина» летать к «Оби» отказались. Наш многострадальный МИ-8, с кустарно отремонтированным автоматом перекося, практически в полярную ночь (июнь в Антарктиде) повел за 300 км над ненадежными льдами замечательный пилот В.С.Буклей. Мне довелось быть на борту того рейса, поскольку с благословения Алексея Федоровича получил назначение старшим по личному составу САЭ на борту сначала «Наварина», а потом – «Профессора Зубова». Летел один (в первый полет людей не берем!) с задачей организации приема эвакуируемых и подготовки взлетно-посадочной полосы для самолета АН-2. На «Наварине» тоже столкнулись с проблемами морального толка. Сначала дезертировал второй пилот, лег на койку в лазарете – не полечу, болен!

Затем из трех вертолетных экипажей более часа не могли собрать один. Буклей в сердцах выдает: «Я бы один полетел, но не дай бог, что случится – съедят!» И случилось. При возврате с «Наварина» третьим рейсом (поломка, что ли, дала себя знать), но в аварийной ситуации, на одном двигателе, выбрасывая снабжение и сливая керосин, довел-таки пилот-ас падающую «восьмерку» до вертолетной площадки на «Оби». Вот кому бы Звезду Героя!

Поговорка – в семье не без урода, к сожалению, нашла подтверждение и в дружной семье экипажа капитана Ю.К.Карлова. Его первому помощнику (была такая должность в советском морском флоте) предложили заменить своего коллегу на «Оби» В.А.Ткачева, уважаемого моряками участника большинства антарктических рейсов этого судна, но уже пожилых лет и не совсем здорового. От наваринского «комиссара» последовал неожиданно беспардонный грубый отказ, крепко повредивший впоследствии всему экипажу д/э «Наварин», выполнившего работы в Антарктиде «за себя и за того парня» – за оставшегося во льдах д/э «Обь». Когда же по благополучному завершению этих операций последовали правительственные награды, «наваринцев» здорово обошли. Может быть, и не следовало бы ворошить прошлое, но иначе была бы не ясна обстановка и те разноплановые, то и дело возникавшие задачи, которые приходилось решать А.Ф.Трешникову в этой эпопее. Одернуть паникеров, урезонить критиканствующих, вдохнуть уверенность в колеблющихся. На завершающем этапе в районах Мирного и Молодежной также возникало достаточно всяких заморочек. Там необходимо было принять на борт оставшихся участников 17-й САЭ. Возможность только одна – вертолетом.

Ни на «Наварине», ни на «Зубове» вертолетной площадки нет. При доставке последней партии полярников Молодежной на борт «Зубова» вертолет сажали на льдину, укрепленную настилом из досок. Среди прилетевших этим рейсом был и А.Ф.Трешников, выполнивший свое обещание молодежи: пока всех участников 17 САЭ не доставят на борт «Зубова», он сам останется на Молодежной.

В экстремальных условиях наступившей антарктической зимы, в событиях, касающихся сотен людей, требовавших организации взаимодействия полярников, экипажей морских судов, самолетов и вертолетов, решения и поступки Алексея Федоровича Трешникова оставались взвешенными и уверенными, как будто уже были им обдуманы заранее.

В память о тех днях совместной работы храню подаренную А.Ф.Трешниковым мне тогда на борту НИС «Профессор Зубов» книгу с дружескими пожеланиями автора.

Наши пути еще несколько раз пересекались и в последующие годы. В конце 1979 года в Москве в академической гостинице у Трешникова получил напутствия после утверждения в должности начальника Амдерминского управления Гидрометслужбы. Несколько раз я навещал Алексея Федоровича в Институте озероведения на ул.Севастьянова. Но самыми яркими остаются воспоминания о нем периода «Обьской» эпопеи.

Игорь Константинович Попов

Зав. лабораторией отдела физики льда ААНИИ,
канд. физ.-мат. наук, начальник СП-24, Почетный полярник

Могучая фигура и внушительный бас А.Ф.Трешникова запомнились с первых дней моего пребывания в стенах ААНИИ в 1958 г. Даже когда он просто разговаривал с кем-то в коридоре института или выступал на Ученом Совете, его голос был одним из веских аргументов в пользу излагаемых мыслей.

Тогда он был одним из заместителей директора института, и его авторитет, как одного из руководителей полярной науки в дополнение к его популярности, как начальника одной из первых дрейфующих станций «Северный Полюс» и Героя Социалистического труда, постоянно рос. Но непосредственно столкнуться с ним, мне пришлось лишь в 1964 году, когда он, находясь на посту директора ААНИИ, прилетел с инспекцией на «СП-10», где мы – группа молодых инженеров вновь созданного отдела физики льда и океана – выполняли программу по гидролого-акустическому зондированию вод Северного Ледовитого океана. Мне тогда понравилось, что Алексей Федорович, интересуясь исследованиями, где мы ощущали себя «крутыми» специалистами, расспрашивал, главным образом, о наших трудностях и что необходимо для более успешного выполнения программы. Вечерами он рассказывал в кают-компании о новостях института и нашего Главка в подробностях, которых мы, находясь в Ленинграде, ни когда бы и не услышали. По-видимому, попадая в близкую его душе среду полярников, А.Ф.Трешников освобождался от оболочки руководителя и чувствовалось, что такое раскрепощение ему самому доставляло удовольствие.

В дальнейшем в 1967–1968 гг. я принимал участие в сезонных работах 13-й Советской Антарктической экспедиции под руководством Алексея Федоровича с программой исследования структуры гидрофизических полей вблизи айсбергов. Это была пионерская по тем временам работа. Вблизи станции Мирный на борту НИС «Профессор Визе» А.Ф.Трешников вместе с Е.К.Федоровым и капитаном

судна И.А.Маном устроили мне пристрастный допрос по существу этой программы, а именно: кому это нужно и что это даст науке. При этом популярно объяснили мне, впервые прибывшему к берегам Антарктиды, насколько это рискованно и опасно: работать с судна вблизи айсбергов. Я бледнел, краснел, но не сдавался, стараясь убедить их в уникальности этой работы и несомненной новизне ожидаемых результатов. Выставив меня за дверь каюты начальника экспедиции, они довольно долго совещались и объявили, что эксперимент разрешают под непосредственным руководством капитана И.А.Мана, выделив на него ровно сутки.

Светлая память И.А.Ману – он сделал все так, как я просил, хотя ему очень не хотелось на 10 минут глушить главные дизели судна вблизи айсберга.

По окончании работы А.Ф.Трёшников снова дотошно расспрашивал о результатах экспериментов и задавал вопросы о возможностях гидроакустических методов в исследованиях водных масс и полярных льдов. Мне кажется, что он был удовлетворен проделанной нашей группой работой. Во всяком случае в ходе экспедиции, когда мы на д/э «Обь» шли вокруг Антарктиды, выбирая место для будущей станции «Беллинсгаузен», Алексей Федорович часто интересовался нашей работой, особенно, по измерению течений электромагнитным методом на ходу судна, предлагая свои варианты по методике наблюдений.

Я был свидетелем, как ему во время экспедиции приходилось принимать ряд сложных решений в критических ситуациях. Так было при разгрузке на припай у барьера станции «Новолазаревская»: лед взломало, судно понесло в море, и мы потеряли тягач и сани с топливом. Решительные действия А.Ф.Трёшникова определили тогда минимальные потери техники и груза и позволили успешно завершить снабжение станции.

А еще был такой случай: по приглашению начальника станции Молодежной Н.А.Корнилова я в составе небольшой группы полярников принимал участие в пешем походе на сопку для выбора места для радиоантенны. Дул сильный ветер. Мы карабкались вверх по осыпавшимся камням, надвинув на головы капюшоны. Вдруг идущий впереди меня человек оступился и плашмя растянулся на склоне. Я думал, что это Корнилов, подошел и говорю: «Ты что, нашел что-нибудь?!» Он обернулся и ответил: «Да что тут найдешь...» Это оказался не Корнилов, а Трёшников, к которому я бы так не осмелился обратиться. А когда мы поднялись на вершину сопки и отдышались, А.Ф.Трёшников меня спросил: «А ты что хотел найти?». «Я приехал за ту-

маном», – ответил я. «Ну, этого тут навалом», – ответил Трёшников, и мы рассмеялись.

В феврале 1967 г. на борт «Оби» пришло телеграфное сообщение из ВАКа об утверждении меня и моего друга Бориса Федорова в качестве кандидатов физ.-мат. наук (мы защищались в один день перед отъездом на Ученом Совете ААНИИ). А.Ф.Трёшников пришел к нам в каюту с этой телеграммой, поздравил и вручил по бутылке виски, что для того времени и обстоятельств было большой радостью.

Вообще, 60–70-е годы прошлого века были годами расцвета Арктического и Антарктического института. В определенной степени это связано с большим авторитетом А.Ф.Трёшникова среди научной общности и, что немаловажно, во властных структурах.

Последний раз я беседовал с А.Ф.Трёшниковым в мае 1979 г. в его кабинете на Фонтанке 34, в Шереметьевском дворце, где тогда располагался институт. Я вернулся из экспедиции «Северный Полюс–24», где был начальником станции. Директор поздравил меня с успешным завершением дрейфа и посетовал на то, что я слишком усердно помогал лыжникам команды Дмитрия Шпаро в их походе к Северному полюсу. «Но я же от Вас получил радиограмму: принять и оказать содействие», – возразил я. «Меня заставили», – устало сказал Алексей Федорович.

Вадим Анатольевич Воеводин

Кандидат географических наук,
участник многих экспедиций в Арктику, Антарктику,
гидролог ледовой авиаразведки.

Не частые встречи мои с директором института Алексеем Федоровичем Трёшниковым были, к сожалению, кратковременными. Одна из них носила негативный характер и была связана с моей «писательской» деятельностью в качестве нештатного корреспондента ряда газет. Вызывает меня как-то Алексей Федорович в свой большой кабинет в Шереметьевском дворце и говорит сердито: «Ну, удружил ты мне, корреспондент. Сегодня ночью разбудил меня звонок из Москвы. Говорил со мной Толстиков (в ту пору – зам. начальника ГУГМС) и спрашивает: «Скажи, Алексей Федорович, Воеводин твой сотрудник? Вот прочитал свежий номер «Вечернего Ленинграда», где он пишет, что открытие дрейфующей научной станции в Северном Ледовитом океане прошло без особого труда. Так что же ты с меня деньги на открытие этой станции запрашиваешь, когда она тебе почти даром обошлась?» Я, конечно, стал оправдываться: «Да, я писал, да, я виноват, но и не совсем виноват, т.к. получил разрешение на публикацию секретаря парткома А.Л.Соколова. Кто же мог подумать, что так получится, и мы совершим такой экономический промах?» Алексей Федорович помолчал немного и уже не так сурово сказал: «Думать надо всегда, когда пишешь. В следующий раз перед тем, как нести в редакцию, давай мне все на стол, ясно?»

«Вполне ясно, Алексей Федорович», – сказал я обрадовано, почувствовав, что «отделался» малой кровью. «А раз ясно, то свободен!» На этом не совсем приятное рандеву и закончилось.

Досталось мне и за кошечку, которую моряки НЭС «Михаил Сомов» подарили полярникам антарктической станции «Беллинсгаузен», и о которой я написал в газету, и даже фото поместил этой рыже-белой красавицы. Оказывается, обо всех животных, ввозимых в Антарктиду, необходимо предварительно сообщать в специальный комитет по экологии, в Женеву.

Сегодня осталось не так много людей, чьи пути пересекались с А.Ф. Трёшниковым. Поэтому я и решил рассказать об этих незначительных эпизодах, связанных с нашим директором.

Вспоминается защита моей кандидатской в 1978 г. под Новый год. В городе стояли сильные морозы, и даже Алексей Федорович сидел на месте председателя Ученого Совета в зимнем пальто. На защите был мой хороший знакомый, капитан В.А.Кочетков, с которым я три продолженные навигации ходил в Карском море на атомоходе «Ленин». А.Ф. Трёшников был явно доволен его присутствием и даже сказал: «Здесь присутствует капитан атомохода «Ленин» Владимир Александрович Кочетков, которого я предлагаю ввести в состав Ученого Совета».

Надо сказать, что в институте я вел довольно активную общественную жизнь: был редактором стенгазеты, председателем библиотечного совета, некоторое время возглавлял бюро первичной организации «Знание». Поскольку Алексей Федорович сам был автором около десятка книг, он внимательно относился к работе библиотеки. Также он поощрял деятельность наших лекторов, которые популяризировали работы института и читали лекции по всей стране – в Белоруссии, на Украине, в Сибири, в Архангельске и Мурманске, на судах Рыбфлота и т.д. Мы читали лекции в школах, в ПТУ, на заводах, в колхозах и даже в лагерях и тюрьмах. Я неоднократно видел, как наш директор подолгу стоял у свежих номеров стенгазеты, улыбаясь, рассматривая карикатуры в разделе юмора (они у нас были довольно едкие и часто касались дирекции).

В заключение я приведу стихи, посвященные Алексею Федоровичу. Они написаны директором музея Арктики и Антарктики и председателем Полярной комиссии Географического общества В.И.Боярским.

Наставник многих поколений,
Вы нас вели, как капитан,
Сквозь льды и штормы. Без сомнений
Озера наших поздравлений
Составят целый океан.
 А океан – стихия Ваша!
 Как и ему, Вам чужд покой –
 Из полыньи Вам ПОЛЭКС машет,
 Приветственной апрельской чашей,
 Ей вторит хор наш боевой.
Желаю Вам, как президенту,
Позиций Ваших не сдавать.
Быть не суровым оппонентом,
Пусть годы множат эпoletы
Так, чтоб Вам их не замечать.

Михаил Николаевич Красноперов
Международный чиновник Секретариата ВМО

Наиболее запоминающийся период моей жизни связан с деятельностью Алексея Федоровича, когда он возглавлял ААНИИ. Для меня это был необычайно интересный авторитетный человек, директор крупнейшего в стране да, пожалуй, и в мире, научного центра полярных исследований.

Серьезный, строгий и требовательный к себе и окружающим человек, Алексей Федорович в тоже время был добрым и обладал большим чувством юмора. Вспоминается 1970 г., когда я впервые был назначен начальником экспедиции А-64, так называемого «ледового патруля», в море Лаптевых и Восточно-Сибирское море. Заместителем начальника был только что принятый в институт мой однокашник по ЛВИМУ Артур Никандров. На дворе был месяц май, прекрасная и солнечная погода. В старом здании ААНИИ на Фонтанке находился уютный сад, в котором в такие дни сотрудники института совершали «перекуры» и вели беседы на научные темы, вспоминали о работе в экспедициях в Арктике и Антарктике.

Готовясь к первой самостоятельной экспедиции, мы с Артуром проводили в производственных мастерских института, которые были расположены также в саду, тарировку экспедиционных фототермографов, предназначенных для регистрации температуры воды. После постановки приборов на тарировку необходимо было выждать два-три часа, чтобы получить точные значения температур за определенные промежутки времени. Этот свободный промежуток времени мы с Артуром коротали на лавочке в саду и, греясь на солнышке, делились впечатлениями о работе в институте. Во время такого «перекура» как из – под земли перед нами вырос человек могучего телосложения и зычным басом стал нас распекать – почему мы уже два часа «бьем баклуши» и ничем не заняты. «Кто вы? Кто ваши руководители?» – спросил он. Я попытался робко объяснить: причина нашего пребыва-

ния на лавке связана с ожиданием результатов тарировки приборов. И в этот момент Артур Никандров, как человек только что принятый в ААНИИ и никогда еще не видевший директора института, ответил вопросом на вопрос: «А почему Вы в течение этих часов занимались только тем, что за нами наблюдали?» Я готов был сквозь землю провалиться. Но Алексей Федорович, очевидно оценив находчивость моего коллеги, озарился добродушной улыбкой, громко и заразительно рассмеялся: «Ну, тогда продолжайте».

Вот эту необычную встречу с человеком доброй души и настоящим полярником я запомнил в деталях на всю жизнь.

Прошли годы, и мне посчастливилось, уже будучи руководителем Высокоширотной Воздушной Экспедиции «Север», встречаться с А.Ф. Трёшниковым не только в стенах института, но и в Арктике на дрейфующих станциях «Северный Полюс», куда он неоднократно прилетал, обычно в сопровождении известных в стране людей: видных ученых, деятелей искусства, руководителей крупных государственных учреждений. Принимая непосредственное участие в организации этих поездок Алексея Федоровича, я с большим удовольствием и гордостью наблюдал, с каким уважением и интересом относились к этому великому для меня человеку, как простые люди, так и люди, занимающие высокие должности.

Алексей Федорович – человек, которому я старался подражать в сложных, а порой и опасных ситуациях, случающихся в моей работе в Арктике и Антарктике. А работать здесь мне было легко и интересно, поскольку моими руководителями и наставниками были прекрасные люди, соратники и последователи А.Ф. Трёшникова. Это – Юрий Борисович Константинов – кристальной души человек, преданный Арктике профессионал, руководитель и непосредственный участник многих «СП» и других экспедиций; Николай Александрович Корнилов – мудрый, общительный и любимый всеми полярниками, умелый организатор арктических и антарктических экспедиций, которым он отдал многие годы своей жизни; выдающиеся ученые института, внесшие большой вклад в изучение природы полярных районов нашей планеты, скромные интеллигенты – Георгий Анатольевич Баскаков, Николай Прокопьевич Артеменко, Виктор Федорович Захаров, Николай Дмитриевич Виноградов, Борис Андреевич Крутских, Евгений Гурьевич Никифоров и многие, многие другие. Теперь это уже история. Очень надеюсь, что новое поколение исследователей Арктики и Антарктики, используя опыт Алексея Федоровича Трёшникова и его единомышленников, не оставят начатое незавершенным.

Купри Эдуард Иосифович

Капитан дальнего плавания,
выполнил шесть рейсов в Антарктику капитаном д/э «Обь».
Почетный работник транспорта РФ, Почетный полярник.

Шел 1967 год. Мы еще летом узнали, что начальником экспедиции в 13-ю САЭ пойдёт Алексей Федорович Трешников. Одно дело встречаться в кабинете, а другое – каждый день по много раз. Уходят в Антарктику обычно в конце октября, в начале ноября в зависимости от освобождения судна от предыдущих заданий. На этот раз «Обь» стояла в ремонте в Кронштадте. Получить судно из ремонта дело сложное. Накануне поехали к директору, чтобы из его уст услышать, когда закончится ремонт. Директор был новый и сам не очень-то верил, что планируемые сроки будут выдержаны, а хотелось как можно скорее. Алексей Федорович поехал с нами и взял с собой несколько экземпляров своих книг для подарков. Кое-как договорились о сроках выхода из ремонта.

Я шел в Антарктику в третий раз. В первых экспедициях лучшим портом захода был Кейптаун, но затем начался апартеид, и заходы в этот порт были запрещены. Начались поиски новых портов захода. Были опробованы Касабланка, Дакар, но лучшим оказался Лас-Пальмас. В данном случае выбрали Касабланку. В Касабланке мы встречались с советскими туристами с лайнера «Балтика». В Марокко тогда был послом Паламарчук. Он выделил нам автомашину, и мы (Алексей Федорович, первый помощник В.А.Ткачев и я) с ознакомительной целью поехали в столицу Марокко Рабат. Это в 100 км от Касабланки. Там состоялся обед у посла. Мы рассказали о планах 13-й САЭ.

Заходов больше не было. Впереди Антарктида. Первым пунктом захода была станция Молодежная. После Касабланки стало теплее, штормов не предвиделось. Предстояло провести мероприятие с пересечением экватора. У Алексея Федоровича появилось свободное время. Он прочитал лекцию экипажу. На представление по случаю пересечения экватора народ собрался с кинокамерами и фотоаппаратами. Все хотят снимать и сниматься, а быть чертом никто не хочет. По пра-

вилам, тех, кто не первый раз пересекает экватор, купать в общем – то не надо. Но так вина не заработаешь. Пришлось пойти на откупные.

Идем в Молодежную. Пересекаем ледовый пояс: лед крепчает, а нам нужно подойти к берегу как можно ближе. И вот лед стал почти непроходим. Стали искать подходящую льдину для сборки самолета АН-2. Нашли: остановились, выгрузили самолет, собрали его и полетели в Молодежную. Это было в конце ноября. Казалось времени впереди еще много, но и дел много. Нужно обойти Антарктиду и построить станцию. Алексей Федорович провел инспекцию Молодежной. Н.А.Корнилов оставался там начальником. Мы пошли в Мирный. В Мирном должна была произойти встреча с начальником Главного Управления Гидрометеослужбы СССР Евгением Константиновичем Федоровым, который шел в Антарктику на НИС «Профессор Визе». В это время года там, конечно, припай. Мы врубались в припай, началась выгрузка по припаю. Алексей Федорович – то в Мирном, то – на судне. По мере приближения «Профессора Визе» нарастает беспокойство. Настало время нам идти навстречу к «Профессору Визе». Так мы и сделали. Взяли его (НИС) под проводку и привели к припаю в районе Мирного. Начальство выехало с В.И.Гербовичем – начальником 12-й САЭ, в обсерваторию Мирный.

После знакомства с Мирным А.Ф.Трещников на самолете ИЛ-14 провез Е.К.Федорова по нашим антарктическим станциям: Восток, Молодежная и Новолазаревская. По возвращении его в Мирный, 27 декабря 1967 г. «Обь» направилась в Новую Зеландию. 6 января прибыли в Веллингтон. Там мы закупили продукты для антарктических станций и для себя. Дела сделаны, снова в рейс: пошли к острову Петра I. Обследовали Южно-Шетландские острова и там нашли бухту, пригодную для строительства станции на острове Ватерлоо. 22 февраля 1968 года открыли станцию Беллинсгаузен. Алексей Федорович был доволен. Оставили там коллектив первой смены во главе с А.Б.Будрецким.

После открытия нашей шестой станции посетили аргентинскую станцию Альмиранте Браун. Подробно осмотрели ее. Радисты наладили связь, и Алексей Федорович поговорил с антарктическим начальством Аргентины..

Пошли на Молодежную. Если вы помните, там мы уже были в конце декабря. Таким образом, мы обошли Антарктиду вокруг. Дело нашлось всем. Выгрузились, набрали воды, помылись в бане. Потом пошли в последний пункт захода – Новолазаревскую. Там пришлось пережить жестокий ураган.

Но, наконец, все дела в Антарктиде сделаны, план экспедиции выполнен полностью. Можно возвращаться домой. 8 мая 1968 года пришли в Ленинград.

Юлия Владимировна Власова

Директор Гидрометеоиздата (1976—1989 гг.),
заслуженный работник культуры

Мое знакомство и многолетние дружеские отношения с Алексеем Федоровичем Трёшниковым сложились благодаря тому, что он любил книги, сам их писал и помогал другим авторам в их создании. Эта любовь к книгам и привела к тесному сотрудничеству Алексея Федоровича с Гидрометеоиздатом.

Наряду с тем, что ему принадлежит около 200 научных публикаций, большое внимание он уделял изданию научно-популярной литературы, имеющей важное значение для молодежи, стоящей перед выбором будущей профессии, и представляющей интерес для широкого круга читателей.

Так, только в 70-е годы Алексей Федорович написал и издал в Гидрометеоиздате такие книги, как «Вокруг Антарктиды» (1970 г.), «Руаль Амундсен» (к столетию со дня рождения – 1972 г.), «Зимой в Южном Океане» (1976 г.), «Их именами названы корабли науки» (1978 г.). В 1980 г. вышла его книга «Антарктика: исследования, открытия». Это далеко не полный перечень принадлежащих его перу изданий.

Несмотря на широкий круг обязанностей и большую занятость, Алексей Федорович не только успевал писать книги, но и выступал в роли научного редактора, писал предисловия к книгам других авторов, рецензировал их рукописи.

Особо большую помощь оказывал он издательству будучи в течение многих лет бессменным Председателем океанологической секции Редакционного Совета.

Через эту секцию проходили все авторские предложения на издание книг по актуальным вопросам исследования океана, Арктики, Антарктики. На основании рекомендаций, выносимых компетентными учеными, под председательством Алексея Федоровича, издательство заключило договора с авторами и формировало планы выпуска изданий.

Неоднократно ему приходилось выступать в роли арбитра в случае возникновения конфликтных ситуаций, связанных с изданием книг.

Не ослабела связь Алексея Федоровича с издательством и после его перехода с поста директора ААНИИ в Институт озероведения АН СССР.

Помимо чисто деловых контактов Алексей Федорович вместе со своей женой Татьяной Николаевной Макаревич всегда охотно принимал участие в мероприятиях, связанных с торжественными событиями в издательстве. В свою очередь, мы отмечали вместе с ним важнейшие вехи его жизни.

Избрание Алексея Федоровича членом-корреспондентом АН СССР, академиком не сделали его менее доступным для делового и дружеского общения, и мы всегда могли рассчитывать на его помощь и полезный совет.

При его внешней суровости я знала его как доброго отзывчивого человека, любящего отца. Мне неоднократно приходилось быть свидетельницей его теплых встреч с дочерью Наташей. Она работала тогда в Государственном гидрологическом институте, в здании которого в то время располагалось издательство.

Возвращаясь из командировок, если это случалось утром или днем, Алексей Федорович иногда приходил в издательство, ко мне в кабинет, и звал туда Наташу, чтобы пообщаться с ней. Он просто не мог дожидаться вечера, когда кончится рабочий день и дочь вернется домой.

В последние годы своей жизни он приезжал в издательство, с трудом поднимался по лестнице на 2-й этаж в мой кабинет (тогда Гидрометеоиздат уже находился в здании ААНИИ на улице Беринга) и, немного отдохнув, обсуждал издательские дела.

Мне хорошо запомнилась одна из таких встреч с ним. Это было зимой. После того как мы обсудили накопившиеся дела, он поднялся и сказал: «А теперь мне надо ехать в Комарово, птичек покормить. Им голодно и холодно».

Вот таким он был. И таким я его запомнила.

Лидия Ивановна Ярукова

Консультант,

заведующая музеем Российского Географического Общества

С тех самых пор, как студента Алексея Трёшникова в 1938 году ввел в Географическое общество и рекомендовал в действительные члены РГО Юлий Михайлович Шокальский, его университетский учитель и первый в советское время президент РГО, прошли многие годы экспедиций, исследований и открытий, прошла целая жизнь.

В 1939 году, окончив кафедру океанологии географического факультета ЛГУ, Алексей Трёшников получил направление на работу в Арктический институт, где он прошел путь от младшего научного сотрудника до директора института, возглавляя его двадцать с лишним лет.

Научная и организационная деятельность Трёшникова позволила ему стать доктором географических наук, профессором, академиком, Героем Социалистического труда и кавалером многих орденов. Он был удостоен Государственной премии. Географическое общество СССР наградило его золотой медалью им. Ф.П.Литке и Большой золотой медалью.

В 1964 г. IV съезд ГО СССР избрал доктора географических наук А.Ф.Трёшникова членом Ученого совета, который, в свою очередь, избрал его вице-президентом Общества. С этого времени Алексей Федорович уже не просто в числе действительных членов Общества, активно участвующих в его научной работе, он – один из руководителей почти сорокатысячного коллектива энтузиастов географической науки, добровольно и бескорыстно работающих для «собирания и распространения в России географических сведений вообще и в особенности о России» (так было записано более ста лет назад в первом уставе РГО). Так же добровольно и бескорыстно теперь принял на себя новое бремя научно-организационной работы и новый вице-президент Общества. С 1964 по 1976 год президентом ГО СССР был академик Станислав Викентьевич Калесник, который в 1970-х гг. был уже нездоров. Заботы об Обществе в основном лежали на плечах первого вице-президента. А.Ф.Трёшников проводил заседания Ученого

совета и Президиума, вел наиболее ответственную переписку, представлял Общество перед Президиумом Академии наук, председательствовал в межсоюзных и международных симпозиумах, открывал сезоны лектория им.Ю.М.Шокальского, сам читал лекции. Открытие XXX сезона лектория началось лекцией вице-президента Общества, руководителя Антарктической экспедиции А.Ф.Трешникова «Путешествие вокруг Антарктиды в 1967–1968 гг.»

13 сентября 1977 г. ушел из жизни академик С.В.Калесник. Руководствуясь Уставом Общества и рекомендациями Президиума АН СССР, 20 декабря 1977 г. Ученый совет ГО СССР избрал первого вице-президента, члена-корреспондента АН СССР Трешникова Алексея Федоровича исполняющим обязанности Президента ГО СССР (Президент избирается только на съезде). На этом заседании А.Ф.Трешников выступил с докладом «Географическое общество за годы Советской власти».

Находясь на посту Президента Географического общества, наряду с огромными проблемами, вытекающими из ответственных задач и давних традиций одной из старейших и самой крупной научно-общественной организации страны, обладающей вместе с тем весьма скромными возможностями, Алексей Федорович всячески поддерживал Общество и в Академии наук и в правительственных кругах Ленинграда. Благодаря его энергии Географическое общество впервые в 1980–1985 гг. начало масштабные обобщающие работы в области мировой географии, осуществляя подготовку фундаментальной серии «География Мирового Океана» под общей редакцией А.Ф.Трешникова. Только в 1987 г. с выходом последнего справочного тома завершилась многолетняя работа Общества, которая как нельзя более отвечала задачам ГО СССР, объединяющего в своей работе специалистов и коллективы различной ведомственной принадлежности.

Дела Географического общества, его исторические стены, помнящие голоса многих географов мира, всегда привлекали внимание. Здесь, в залах и кабинетах особняка – приятное место встреч и деловых контактов. В разные годы Алексей Федорович принимал в Обществе ученых из Болгарии, Венгрии, Югославии, Германии. В 1971 г. в четвертый раз Общество встречало Тура Хейердала. К зданию было трудно подъехать. Не говоря уже о том, что Общество было полно народа, но даже переулок Гривцова был тоже полон. Алексей Федорович вместе с Туром вынуждены были выйти из зала на балкон, чтобы собравшиеся увидели их и приветствовали.

С удовольствием Алексей Федорович общался с юным поколением географов. В одной из школ г. Волгограда пионерский отряд был

назван именем А.Ф.Трешникова. И вот однажды этот отряд в полном составе прибыл в Ленинград. Ему сообщили об этом. Алексей Федорович встретил ребят в Обществе, долго беседовал, терпеливо и подробно отвечал на их вопросы, познакомил ребят с портретами путешественников, с библиотекой, с реликвиями Общества. А в заключение пригласил их в Зал Совета на чашку чая.

Простота общения, приветливость влекли к нему людей. Его доклады и выступления собирали большие аудитории. Он был удивительно популярен. Его мощная фигура и улыбчивое лицо украшали и симпозиумы, и Ученые советы. Он часто участвовал вместе с Татьяной Николаевной в наших новогодних торжествах, в юбилеях, сам любил справлять свои юбилеи в Географическом обществе.

В 1987 г. отмечали 100-летие со дня рождения Н.И.Вавилова. Торжества были грандиозные. Алексея Федоровича разрывали на части. Он должен был выступать в здании РГО, в помещении НИИ им.Вавилова, в Большом зале Филармонии. Везде с цветами, речами, вручая памятные медали ГО СССР. И везде он был на высоте.

В 1985 г. Ученый совет объявил конкурс на соискание золотой медали РГО. И когда комиссия рассмотрела все работы и объявила претендентов на Большую золотую медаль, то оказалось, что в списке две фамилии – академика А.Ф.Трешникова и профессора Э.М.Мурзаева. Реакция Трешникова была мгновенной. Он взял слово и категорически попросил снять его кандидатуру с голосования в пользу более старшего и заслуженного профессора Э.М.Мурзаева.

А для нас очень важным было и то, что он был очень хорошим и добрым человеком. Никогда не было у него зазнайства, никогда он не угодничал, всегда старался чем-либо помочь. И до последних дней к нему обращались за помощью, за советом, и находили и помощь, и совет.

И можно сказать словами Евгения Сергеевича Короткевича – вице-президента Географического общества и долгое время заместителя А.Ф.Трешникова по научной части в Институте Арктики и Антарктики: «Если про кого можно сказать, что это был Человек с большой буквы, так это про Алексея Федоровича Трешникова».

Владислав Александрович Румянцев
директор Института озераведения РАН,
член-корреспондент РАН

29 декабря 1981 г. А.Ф.Трёшников был избран действительным членом АН СССР. В 1982 году Президиум Академии наук поручил Алексею Федоровичу руководство Институтом озераведения АН СССР в связи с уходом с занимаемой должности по состоянию здоровья члена-корреспондента АН СССР О.А.Алекина

В соответствии с существующими в Академии наук правилами вступления в должность директора, 3 марта 1982 года А.Ф.Трёшников был избран Общим собранием АН СССР директором Института озераведения АН СССР и работал на этом посту до декабря 1987 г.

Алексей Федорович, как известно, раньше не занимался лимнологическими исследованиями и нельзя сказать, что переход от крупномасштабных и глобальных океанографических и полярных проблем к проблеме озераведения (лимнологии) был прост. Однажды в приватной беседе Алексей Федорович даже пошутил, что «лимнологический хомут» оказался на удивление не так уж легок. Однако широкая эрудиция в области географических проблем, знание природных процессов и огромный организаторский опыт позволили ему достаточно быстро и успешно приступить к руководству Институтом.

Развивая традиционные аспекты лимнологических исследований, заложенные основателями Института, А.Ф.Трёшников инициировал развитие и расширение ряда новых направлений. В частности, под его руководством были развернуты широкомасштабные исследования, ориентированные в значительной степени на разработку научно-обоснованной методологии рационального природопользования в озерных бассейнах. Заказчиками в выполнении такого рода исследований выступали государственные органы страны и отдельных Союзных республик.

Так, во исполнение постановления Совета Министров СССР и Государственного Комитета по науке и технике СССР Институт озераведения под научным руководством Алексея Федоровича возглавил

проведение межведомственных научно-исследовательских работ более 120 организаций 48 министерств и ведомств по разработке комплекса мероприятий и нормативных документов по рациональному использованию и сохранению природных ресурсов озер Ладожское, Онежское, Ильмень, Имандра, Псковско-Чудское, Балхаш, Иссык-Куль, Севан и малых озёр Европейской территории бывшего СССР.

По результатам исследований были выработаны практические меры по управлению водными ресурсами озер, в том числе: научно обоснованы допустимые уровни антропогенной нагрузки на экосистемы озер, определены мероприятия по прекращению сброса неочищенных сточных вод, разработаны нормативные показатели сбрасываемых сточных вод для предотвращения загрязнения водосборных территорий и водоемов.

В ходе выполнения указанных исследований выявились крайне негативные последствия влияния хозяйственной деятельности на водосборе Ладожского озера на экологическое состояние озерной экосистемы. Алексей Федорович, будучи человеком деятельным и неравнодушным, проявил инициативу и от имени Института озероведения выступил с мотивированным обращением в Совет Министров СССР о принятии срочных мер по предотвращению негативных влияний на озеро. Эти материалы явились фактической основой для Постановления Совета Министров СССР в 1984 году «О дополнительных мерах по обеспечению охраны и рационального использования водных и других ресурсов бассейна озер Ладожского, Онежского и Ильмень» и Постановления Совета Министров СССР 1986 г. о приостановлении деятельности Приозерского целлюлозно-бумажного Комбината, расположенного на берегу Ладожского озера, и о перепрофилировании его производства на выпуск другой продукции с безотходной технологией. Во исполнение этого постановления в этот же период были проведены технологические изменения на Волховском алюминиевом заводе, что способствовало развитию позитивных изменений в экологическом состоянии озера.

Под руководством Алексея Федоровича Институт озероведения выступил в роли главного исполнителя и координатора работы 39 организаций по изучению кризисной ситуации в бассейне озера Севан в результате понижения уровня озера на 19 м в связи с пропусками вековых запасов озерных вод. Работы выполнялись во исполнение Постановления Совета Министров СССР «О мерах по охране и рациональному использованию природных ресурсов озера Севан» по программе, утвержденной Государственным Комитетом СССР по на-

уке и технике. Слаженному и, в конечном результате, успешному выполнению работ в большой степени способствовало авторитетное и энергичное руководство Алексея Федоровича.

В результате выполненных исследований была установлена минимально необходимая величина повышения уровня (6 м) и разработан комплекс научно-обоснованных технических и водохозяйственных мероприятий, направленных на сохранение озера в качестве источника хозяйственно-питьевого водоснабжения Армении, улучшения состояния его экосистемы, на охрану и рациональное использование природных богатств бассейна озера.

Алексей Федорович уделял большое внимание развитию новых методов и средств экспериментального изучения лимнологических процессов. По его инициативе и поддержке в этот период начали внедряться методы дистанционного зондирования и слежения за развитием лимнологических процессов в озерах. Эти работы проводились силами сотрудников вновь созданной лаборатории дистанционного зондирования, под руководством приглашенного в Институт академика К.Я.Кондратьева.

Важным и новым аспектом этих исследований явилось использование озер как полигонов для обработки и проверки надежности методик изучения Мирового океана, а также имитации некоторых процессов в океанах и озерах, обладающих определенными чертами сходства (формирование волнения, теплового режима верхнего слоя водных бассейнов и др.).

Алексей Федорович был человеком общительным, всегда доброжелательно воспринимал инициативы коллектива по организации праздничных вечеров и капустников и всегда принимал в них участие. Были, правда, в начале его директорской карьеры некоторые обстоятельства, даже обескураживающие его. Как человек, привыкший всю свою деятельную жизнь иметь дело с сугубо мужскими коллективами, в Институте озероведения он к удивлению своему обнаружил, что значительная часть коллектива – женщины, с которыми, как ему представлялось, будет трудно найти общий язык. Даже шуточные замечания о том, что «самые сильные мужчины – это женщины» по началу не утешали его. Тем не менее, природный ум, доброжелательность и обаяние Алексея Федоровича быстро сделали свое доброе дело. Контакты были найдены, и это обстоятельство никогда не омрачало его работу в Институте.

Однако по состоянию здоровья Алексей Федорович вынужден был уйти с поста директора и с 8 декабря 1987 г. исполнял обязанности почетного директора Института, посильно участвуя в обсуждении планов Института и их реализации.

Владимир Стругацкий

Специальный корреспондент газеты «Смена»,
Вице-президент Ассоциации полярников

ПУТЕШЕСТВИЯ С ТРЁШНИКОВЫМ

Комаровский пингвин

На комаровском кладбище стоит огромный каменный пингвин. Похоже, он специально спрятался за деревьями, за кустами. Его даже с аллеи почти не видно, хоть он и на главной аллее, упирающейся в могилу Ахматовой. Гранитный пингвин, опустив голову, кажется, слушает стук неугомонного дятла – тот стучит совсем рядом, на давно засохшей березе: над могилой Трёшникова, над этим самым грустным на кладбище памятником, памятником хозяину двух полюсов Земли.

Когда-то огромный директорский кабинет Алексея Федоровича Трёшникова в Шереметевском дворце, в Арктическом и антарктическом научно-исследовательском институте (АНИИ) выходил на великолепную чугунную решетку, на набережную Фонтанки. Ахматовский Фонтанный дом. В доме еще до войны жила величественная женщина, любившая кутаться в шаль. Это она написала: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...».

Сейчас почти каждые выходные я иду по просекам к Щучьему озеру, к комаровскому кладбищу, на которое недавно повесили табличку «Комаровский некрополь». Зимой – на лыжах, летом – пешком. Я всегда останавливаюсь возле Трёшниковского пингвина. И всегда прислушиваюсь к стуку дятла. Без его веселой дробы было бы совсем грустно.

Раньше, когда я приезжал к Трёшникову на дачу в Комарово и мы шли гулять, как-то само собой получалось, что обязательно доходили до кладбища, до могилы его младшей дочери Натальи. Умерла она совсем молодой. Для Трёшниковых это была страшная трагедия.

Я помню, как уже в последние годы жизни Алексей Федорович пригласил меня зимой на дачу, прямо на снегу разжег костер, и мы долго сидели во дворе его дома, любуясь всегда успокаивающим пламе-

нем костра. Академик, президент Географического общества СССР и Герой Социалистического Труда глядел на огонь, думая о чем-то ведомом только ему, а потом вздохнул:

– Слава, как и удача, могут щекотать нервы довольно недолго. Я всегда относился к шуму вокруг моей личности с чувством юмора и большой долей скептицизма...

И грустно добавил:

– Я бы с удовольствием отдал все свои звания и все ордена за то, чтобы мои дочери были живы-здоровы. Страшно жаль, что Бог почему-то на такой обмен не идет...

Что делать: Бог часто бывает несправедлив.

Дача Трёшникова справа от железной дороги, в верхнем Комарово, между станцией и кладбищем, по дороге на Щучье. Даже у улицы вполне подходящее название – Морская.

...Когда-то казавшаяся мне шикарной, теперь она обветшала, покосилась, краска с вагонки облезла, а оклеенные потрескавшейся клеенкой стены ванной и туалета кажутся такими же убогими и архаичными, как стоящий во дворе на сваях громадный бак – самодельный душ. Ни тебе кафеля, ни полов с подогревом, ни сауны, ни ухоженных лужаек с фонтанами.

Старое продавленное кресло с громадными подлокотниками, наш отечественный сервант – такой, какие приобретали когда-то все новоселы хрущевок: с двумя застекленными полками и крохотной покрытой темным лаком дверцей справа – за ней был «бар». Чаще всего в нем хранили квартирные квитанции.

Благополучие из этого дома ушло вместе с Трёшниковым.

Но теплота и очарование остались. И будоражащие память запахи тоже остались. Запах сырости, осенней антоновки, прелых листьев. Эти запахи навечно поселились в старых уютных пригородных дачах.

Мы сидим за большим овальным столом на веранде вместе с Асей, старшей дочерью Алексея Федоровича, и Евгением – зятем Алексея Федоровича. У Аси на коленях уютно устроился черный кот – Мейсон.

За окном стучит дятел, и радуются первым теплым апрельским дням синицы.

На примыкающей к дому стене – фотографии пингвинов, полярных судов и самого Трёшникова. В углу – громадный китовый позвонок (кажется, с антарктической станции Беллинсгаузен) с выцарапанными на круглом сиденье стихами; его подарили академику полярные геологи на какой-то юбилей.

На столе – самовар. Мы пьем чай из стареньких желтых чашечек в горошек.

За этим столом когда-то чаевничали и академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, и директор Эрмитажа Борис Борисович Пиотровский, многие из тех, кем гордилась советская наука, и люди менее знаменитые – соседи по Комарово, куда на лето переезжала вся ленинградская интеллигенция. Вокруг стола собирались и, тогда вовсе никому известные, Артур Чилингаров, Николай Корнилов, Эдуард Саруханян, Николай Смирнов, Леонид Тимохов – те, кто, пожалуй, не меньше чем учеными званиями и своими монографиями, должностями и Золотыми Звездами, гордились тем, что им выпало счастье быть учениками самого Трёшникова.

За этим столом поднимали разные забавные тосты, чокаясь коньячком или самодельной настоянной на рябине водкой. Рябину Трёшниковы ездили собирать на своей «Волге» вниз к заливу, в сторону Роцино и привозили на дачу ведрами. А разные заграничные бутылки, презентованные Трёшникову, так и остались в серванте после его смерти: столь дефицитные тогда импортные напитки он не уважал, а больше всего любил армянский трехзвездочный.

А напротив веранды, возле забора – низенькая покосившаяся банька. Бревнышки проложены мхом, окошко почернело, крыльцо просело.

Женя расчувствовался, вспоминая свою Наташу, вспоминая, как называл он Алексея Федоровича – Поляша:

– Последние месяцы Алексей Федорович почти не вставал. Ноги жутко болели, давление – низкое. Почти никого уже не принимал: не хотел, чтоб его в таком состоянии видели. В основном общался с врачами. И вдруг однажды Алексей Федорович предлагает мне построить баньку. Париться Алексей Федорович любил – мы по выходным всегда в баню ходили, в обычную городскую. Но это было раньше, когда Алексей Федорович еще был крепок и бодр. А тут кто-то из медиков сказал, что баня поставит Трёшникова на ноги... Достать для бани сруб по тем временам было крайне трудно. Но я попросил кого-то из его приятелей, сруб мигом нашелся, и я взялся за стройку. А Алексей Федорович сидел на веранде вот в этом кресле, ловил каждый мелькавший между этих золотистых сосен солнечный лучик и наблюдал, как наша «стройка коммунизма» движется. И все торопил. Так что мы порой до полуночи работали. Трёшников от бани какого-то чуда ждал. И вот к концу лета мы закончили баньку и решили ее опробовать. Я натопил до ста двадцати, Алексея Федоровича до бани довел, раздел, на полоч уложил и так отходил березовыми вениками, что наш Поляша ожил, заулыбался и говорит: «Знаешь, я ногами опять почувствовал землю»... Только я его дома на диван уложил и вдруг слышу: «Женя, а давай завтра снова в баню пойдём». И вот мы за четыре дня парились три раза. Было это за год до его кончины... Умер Алексей Федорович 18 ноября 1991-го.

Своего зятя – Женю Касаткина – Трёшников любил, и не только за его доброту, прежде всего за то, что его любила Наташа.

– Замечательные были времена, – вздыхает Евгений, стараясь погасить слезу. – Сколько веселого интересного народу здесь собралось. Жизнь была.

Женя Касаткин сейчас живет, в основном, в Комарово, с Асей. Они друг дружку поддерживают. Ему тоже уже за шестьдесят. Днем Женя ездит на работу в ЛЭТИ (он кандидат технических наук), а вечером возвращается на дачу. Живут скромно, достатком дом не блещет.

Женя провожает меня к калитке, накинув старенькую полярную кожанку. Такие куртки многие годы выдавали полярникам: летчикам, ученым, морякам. И каждый всеми правдами и неправдами старался такую куртку после экспедиции не возвращать. Если льдину ломало, то все потом писали в актах, что кожаные куртки утонули. Снабженцы, да и институтское начальство все эти хитрости, конечно, знали...

Куртка была крепкая, из грубой кожи, тяжелая, с громадными серебристыми молниями и глубокими, тоже на молниях, нагрудными карманами. В свое время ее подсолнечным маслом натирали – для блеска, и чтоб не скрипела, как кирзовые сапоги. С особым шиком мы носили ее в Ленинграде. Тем более, если в нее ввинчен значок «Участник дрейфа СП» или «Участник Советской антарктической экспедиции».

Теперь старая куртка – как орден. Вице-спикер Госдумы и Герой Советского Союза Артур Чилингаров в такой до сих пор в Арктику летает – потертой, потрескавшейся.

У Жени Касаткина на плечах куртка рваная, – Трёшниковская. Ей, конечно, место в музее – в ней Трёшников ходил еще в свою первую антарктическую экспедицию, открывал станцию Восток... Но музей курткой этой почему-то не интересуются, и Женя колет в ней дрова, вяжет березовые веники и ходит кормить своего пса Трайка, который носится по участку. Хотя куртка ему явно великовата.

Меня поразило: во время нашей встречи Женя ни разу не сказал о своем тесте «он». Либо по имени-отчеству, либо Поляша.

Когда-то в этой семье у всех были свои смешные имена. Придумывала их в основном Наталья – человек веселый, жизнерадостный. Татьяну Николаевну например звали почему-то Баранов.

Ученый с руками молотобойца

Трёшников всегда был очень большой, крупный. Кулаки – с футбольный мячик. Я однажды написал, что это ученый с руками молотобойца. Боялся, что он обидится. А он только посмеялся. В Антарктиде он вступил в клуб «Кому за 100». Вступить в него могли лишь те,

кто весил не меньше 100 килограммов. И голос у него был под стать фигуре – командирский, шалыпинский.

Однажды я видел, как возле своего парадного он столкнулся с первым секретарем обкома, членом Политбюро Григорием Васильевичем Романовым – самым грозным и влиятельным тогда в Ленинграде человеком. Оба они жили в доме напротив Петропавловки, на одной лестнице, только Романов несколькими этажами ниже.

Всегда, когда я бывал у Трёшникова, меня поражала дверь романовской квартиры – низкая, под хозяина. Я думал о том, что если Трёшников ходит к Романову в гости, то наверняка пригибается.

Так вот, Трёшников и Романов столкнулись у подъезда, и маленький пухленький Романов вынужден был задирать голову, чтобы сказать Алексею Федоровичу свое важное «здравствуйте». А Трёшников и не подумал голову наклонить, чтобы не казаться рядом таким громадным. Сцена была довольно забавная: даже романовские охранники, чтоб спрятать улыбку, чуть отвернули головы.

Благодаря соседству, да и добрым отношениям с сильными мира сего, Трёшникову удалось чудом отыскать больного Сомова – одного из самых близких своих друзей, начальника первой советской антарктической экспедиции. Трёшников в 1957 году сменил его в Антарктиде, так же как когда-то менял в Арктике (Михаил Сомов был начальником дрейфующей станции «Северный полюс-2», Трёшников – начальником СП-3). Они так дружили, что даже дачи в Комарове, когда им как двум Героям после возвращения из Арктики дали по двенадцать соток, построили рядом, объединив два участка.

...На старости лет Сомов потерял память. Однажды он стоял с сестрой на троллейбусной остановке. Подошел 12-й, Сомов пропустил сестру вперед, а сам сесть не успел: водитель почему-то у него перед носом дверь закрыл и уехал. Сестра на следующей остановке выскочила, побежала назад, искать Сомова, но не нашла. Михал Михалыч не вернулся домой ни к вечеру, ни на следующий день. И у Сомовых и в АНИИ началась паника. Сотрудники института на машинах целыми днями утюжили город, дорогу на Комарово, разыскивая Сомова. Подняли на ноги весь Ленинград. Фотографии знаменитого полярного исследователя, Героя Советского Союза раздали всем милиционерам. Нашли Сомова только спустя четыре дня. На мосту Володарского на него наткнулся постовой.

– Вы – Сомов? – спросил милиционер.

– Нет, моя фамилия Петров, – ответил начальник первой советской экспедиции на шестой континент.

– Нет, вы – Сомов, – уверенно сказал милиционер и отвел голодного, оборванного и небритого, одетого в синий прорезиненный плащ, старика в отделение милиции. Оттуда позвонили в дом на Фонтанке.

Это был 1973 год – последний год жизни Сомова.

...Сейчас Трёшников и Сомов снова вместе. Их памятники на Комаровском кладбище – рядом. Спинай к спине стоят две громадные антарктические гранитные глыбы. Будто эти два человека и после смерти поддерживают друг друга.

«Таня всегда права»

Своим друзьям, своим ученикам, своей семье Трёшников был предан до безумия. Но больше всего дорожил мнением Татьяны Николаевны. Считал, что его жена всегда права.

Даже когда уже на старости лет Трёшников почему-то вдруг решил отрастить усы, вовсе его не украшавшие, и кто-нибудь из нас время от времени предлагал эти злосчастные усы сбрить, Алексей Федорович сердился:

– Да что вы ерунду говорите. Татьяна Николаевна утверждает, что они мне идут.

Так что когда я задумал отвезти в 1986 году семидесятидвухлетнего Трёшникова на Северный полюс и там снять несколько эпизодов для моего полнометражного документального фильма, посвященного хозяину двух полюсов, то первым делом мне, конечно, надо было договориться с Татьяной Николаевной. Хотя Трёшников – а он тогда уже не был директором ААНИИ, а возглавлял академический Институт озероведения – сразу сказал: «Я бы с удовольствием снова слетал».

Честно говоря, эту мысль Алексей Федорович сам мне подкинул – еще зимой, когда мы сидели у костра у него на даче. Трёшников всегда любил смотреть на огонь, всегда сам с удовольствием затапливал печь на даче.

Алексей Федорович смотрел, как потрескивают на снегу полешки.

– Сидеть у костра в Комарово, конечно тоже хорошо, – вздохнул он. – Но все-таки хочется поехать куда-нибудь, где настоящий снег, настоящий лед. А сейчас я только провожаю полярные экспедиции. У меня на этих проводах жутко сосет под ложечкой. Завидую.

Вот я и решил что-нибудь придумать, чтобы у Трёшникова «сосать под ложечкой» перестало. А к фильму даже название придумал «Возвращение к полюсу»

...Самый подходящий момент для уговоров представился 14 апреля, когда на день рождения Трёшникова в доме, окнами выходящем на Петропавловку, был полный сбор.

Конечно, я заранее постарался заручиться поддержкой всегда доброжелательного ко мне Николая Александровича Корнилова – тогда он был заместителем директора ААНИИ по экспедициям и флоту, ну а иметь такого сторонника и согласие самого академика это уже почти победа. Но без согласия Татьяны Николаевны победа вовсе не окончательная.

И когда гости уже подняли знное количество тостов, мы с Корниловым «в четыре руки» приступили к атаке. К тому же Борис Андреевич Крутских, сменивший Трёшникова в директорском кресле в ААНИИ, сразу сказал, что даст нам самолет и проследит, чтобы за пару дней наш вояж завершился. Татьяна Николаевна укоризненно глядела то на Корнилова, то на меня, то на своего мужа, а потом потребовала от Корнилова личных гарантий: «Только чтобы Вы, Николай Александрович, от Трёшникова не отходили ни на шаг. И, пожалуйста, уж последите, чтобы Стругацкий не втравил его там в какую-нибудь авантюру». Корнилов тут же выдал все гарантии, и в конце апреля мы полетели на дрейфующие станции «СП-27» и «СП-28».

Последняя экспедиция Трёшникова

Без всяких приключений «через всю географию» мы добрались до устья Колымы, до Черского (это о нем, благодаря Яну Френкелю, однажды принявшему в местном ресторане «Огни Колымы» солидную дозу, полярники до сих пор поют «Приютился поселочек у реки Колымы, словно желтый подсолнушек в царстве вечной зимы»). Но попасть на «СП-28» можно было только через «подскок» – льдину с аэродромом, болтавшуюся где-то между островом Врангеля и Северным полюсом, – приблизительно в четырех десятках километров от станции. На нее то мы и прилетели на Ил-14, чтобы уже оттуда на «вертушке» добраться до только еще открывающейся станции.

До 28-й мы так и не долетели. В тот момент когда, проводив свой самолет, мы мирно чаевничали, обсуждая свои планы в громадной черной палатке – единственном пристанище на льдине, эта самая льдина вдруг совершенно не вовремя решила расколоться. Трещина прошла прямо посреди ВПП. Руководитель полетов – здоровяк и весельчак Паша Бирюков, хоть и был рад появлению самого Трёшникова, отозвал нас с Корниловым в сторону и сообщил:

– Сваливайте-ка вы отсюда по добру, по здорову. Начнет крошиться – застрянете здесь черт знает на сколько. С меня потом голову снимут. Да и в таких условиях, где я вас поселю?.. По всем правилам положено аэродром срочно закрывать. Но я еще один борт приму, чтобы вас выпихнуть. Он из Черского уже вышел, через двадцать минут туточки будет.

Корнилов решил: судьбу лучше лишний раз не испытывать. Через тридцать минут мы уже забирались в Ил-14, мастерски приледнившийся на осколок льдины и готовый нас доставить на Жохова – островок в Восточно-Сибирском море в архипелаге Де-Лонга, где располагался еще один «трамплин» на СП.

Но нам не везло: через час после нашего взлета аэропорт Жохово захлопнулся по погоде. Правда, командир нашего Ила сказал руководителю полетов, что на борту сам Трещников и, если они хотят пожать руку академику и полярному Герою, то пусть дают добро на посадку, не смотря на непролазный туман. Короче, Жохово открылся ровно на десять минут – на время нашей посадки. А вскоре туман и на самом деле рассеялся, и мы стартовали на «СП-27» – она тогда дрейфовала почти в тех же широтах, что и в свое время Трещниковская «СП-3».

Не буду рассказывать, как полярники встречали Трещникова и Корнилова, как повар напек блинов и с каким вниманием слушали Алексея Федоровича в кают-компани, а потом устроили концерт и пели под гитару «Он бросил Комарово и к нам приехал снова...». Это все и так понятно.

Но есть на станции традиции и ритуалы, которые полярники нарушать не станут даже для Трещникова. После ужина будь добр в кают-компанию – на очередной киносеанс. И Трещников с Корниловым эту традицию, конечно, нарушить не могли и уселись вместе с полярниками смотреть какую-то замыленную советскую комедию.

А меня как всегда разбирал энтузиазм. Времени явно в обрез – завтра, может, уже улетим, а ничего еще толком не снято. К тому же нет панорамы станции. Ее конечно можно запечатлеть пока все в кино сидят. Но будет голо и безлюдно.

И тут я замечаю у входа в кают-компанию «Буран». Может, снять панораму с движения? А еще лучше – посадить Трещникова на снегоход и попросить объехать станцию. На «Буране» на Северном полюсе Алексей Федорович еще, кажется, не катался – в его времена такой техники на СП не было.

Осталось только уговорить Трещникова и как-то обезвредить Корнилова.

В темноте я втиснулся на свободное место между двумя Героями Социалистического Труда и начал нашептывать Трещникову, чтобы пока идет фильм, он вышел из кают-компани: мы бы сняли возле крыльца коротенькое интервью. Алексей Федорович сразу же согласился, но тут встрял Корнилов: «Ты чего там опять придумал?». Тихонько, чтоб не мешать зрителям, я сообщил, что собираюсь на несколько минут вытащить Трещникова на улицу и быстренько запи-

сать интервью. «Ну, давай» – вздохнул Корнилов и снова уставился на экран.

Уже на крыльце, узнав про «Буран», Трёшников рассмеялся:

– Покатаюсь с удовольствием.

Мы быстренько завели снегоход, посадили на него академика и прикинули наиболее эффектный для съемок маршрут.

– Вы разок отсюда до палатки гидрологов проедьте – и все, – попросил я. – Только не слишком быстро.

«Буран» взревел. И вдруг Трёшников стал закладывать такие круги по станции, такие пируэты выделять по сугробам, что снегоход взлетал над застругами и эффектно падал на снег...

– Во каскадер! – торжествовал кинооператор Саша Оркин. – Во дает!

Как Трёшников «поддерживал и одобрял» речи Брежнева

...Алексей Федорович всю жизнь к журналистам, к киношникам относился благосклонно. Со многими из нас он дружил и всегда находил время для общения. Договориться о встрече с ним всегда было проще, чем со многими куда менее знаменитыми и занятыми людьми. Он всегда охотно ходил в студию к Матвею Фролову – заведующему корпунктом Всесоюзного радио, а потом и Центрального телевидения в Ленинграде, президенту репортерского клуба «Шариковая ручка».

Каюсь, и я ни раз пользовался его добрым отношением. Благодаря Трёшникову, летал на СП. Благодаря Трёшникову, в 1981 году впервые отправился в Антарктиду, хотя московские чиновники (и в Госгидромете СССР, и в ЦК КПСС) возмущались, почему в столь ответственную и дорогостоящую поездку отправляется не журналист одной из центральных газет, а репортер ленинградской молодежной газеты. Да что там о московских чиновниках говорить. У нас в Куйбышевском райкоме партии, к которому тогда и «Смена», и институт Арктики и Антарктики относились, секретарь по идеологии, без чьей подписи ни одна анкета на выездную комиссию не поступала, стучал кулаком по столу и орал:

– Опять этот Стругацкий куда-то едет. Хватит шляться по заграницам. У нас на любом заводе темы прямо под ногами валяются. Вот пусть на завод идет, а не за рубеж мотается.

Ну, как объяснить ему, что попасть на другой конец земного шара, на шестой континент, минуя эту самую «заграницу» просто невозможно?!

Правда, сейчас этот самый секретарь мило со мной раскланивается – он, конечно, уже большой демократ и директор одной из крупнейших в России библиотек.

Но самым противным в те годы было сочинять отклики на речи и выступления Генсека, на партийные съезды. Под этими «ободряем и поддерживаем» требовались звучные подписи: известных людей, лауреатов, героев труда. Мне, конечно же, выпадало готовить на первой полосе «Смены» отклики моих друзей-полярников. Что делать, хоть и было неловко, порой я звонил и Трёшникову: «Вы про сегодняшнюю речь Брежнева пару слов не скажете?». Мудрый и доброжелательный Трёшников, услышав мой смущенный голос, обычно говорил:

– Сам знаешь, что написать... Не переживай: пиши под моим именем.

Конечно, работа эта была противная, но без таких позорных заметок в газете тогда было не прожить. На каждом партсобрании смольненские начальники и так меня клевали: «Вместо того, чтобы воспевать самоотверженный труд молодых ленинградских рабочих, комсомольцев молодежная газета гонит целые полосы про Северный полюс». Трёшников об этих атаках прекрасно знал и старался помочь хотя бы тем, что не возражал, если его имя появлялось под коротенькими ура-патриотическими откликами.

Всем, к кому относился по-доброму, Трёшников всегда старался помочь.

Как мы обновку угробили

...Извините, что отвлекся от нашей последней с Трёшниковым поездки в Арктику на «СП-27».

Так вот: по льдине возле Северного полюса Трёшников катался на «Буране» с восторгом.

Но, наконец, подъехал к кают-компани и вдруг сказал мне:

– Посмотри, у меня что-то с левым ботинком.

Я глянул вниз. Из прожженного насквозь кожаного ботинка торчали куски шерстяного носка, а из них голышом выглядывал на 25-градусный мороз большой палец президента Географического общества СССР, академика и Героя Социалистического Труда. К несчастью, Трёшников сунул свободную от педали газа ногу под какую-то трубу и, увлекшись, даже не заметил, что ботинок загорелся. Да еще какой ботинок: меховой, дефицитный, чешский. Перед нашим полетом Татьяна Николаевна эту обновку специально, чтоб Алексей Федорович больные ноги не застудил, где-то по большому благу раздобыла. Жена снаряжала Трёшникова минимум неделю: велела взять шерстяной свитер ручной вязки, ондатровую шапку, длиннющий теплый (тоже шерстяной) серый шарф, которым кажется можно было обмотать весь земной шар...И дала с собой даже черный шерстяной чепчик – на ночь, чтоб голова не замерзла.

...Трёшников весело поглядывал на свой голый палец и раскатисто, заразительно смеялся:

– Подумаешь, ботинок угробили! Зато как покатался!

Он ничуть даже не сердился, что я втравил его в очередную авантюру. Но это Трёшников. А что сделает со мной Корнилов, когда выйдет из кают-компании, даже представить страшно. В лучшем случае – утопит в гидрологической лунке. И, надо сказать, это будет справедливо, но здорово обидно: под нами глубина километра три и вода самая холодная в мире. До дна океана далеко падать. С другой стороны, удастся избежать высшей меры наказания – встречи с Татьяной Николаевной.

...Не буду передавать всю тираду, обрушенную на меня заместителем директора ААНИИ – цитировать эти выражения все равно нельзя.

Злой Корнилов приказал начальнику «СП-27» срочно раздобыть для Алексея Федоровича какую-нибудь обувь. А попробуй раздобудь ее на такую ножищу! Такого размера на станции ни у кого нет. Сорок пятый минимум. Но какие-то громадные унты все-таки нашлись. Искореженные ботинки Корнилов бросил в пакет и вручил мне:

– Сам Татьяне Николаевне будешь отдавать.

...Самое обидное, что снятые ценой чешского ботинка и кучи обрушенных на меня матюгов кадры, в фильм, не помню уж почему, не вошли. Впрочем, добытые с самой большой кровью кадры часто летят в корзину.

Почему Трёшников бросил курить

Когда я первый раз оказался на Востоке, в декабре 1981 года, то увидел там совершенно необычный памятник. На пьедестале – тягач санно-гусеничного поезда, впервые в мире добравшегося сюда в декабре 1957 года. Эта машина первой проложила колею в безжизненной пустыне, первой преодолела путь в полторы тысячи километров от Мирного до Востока, от берега океана до Южного геомагнитного полюса, к антарктическому куполу, к высоте 3488 метров.

Долго ломал я голову: как же удалось водрузить громадный тягач на пьедестал из бочек, поставленных одна на другую? Увидел бы такое в Ленинграде – вопроса не возникло бы. Чего проще: поднял мощным краном – и все дела. Но откуда на Востоке такие мощные краны? Как же «забрался» он на пьедестал высотой более двух метров?

Авторы памятника – полярники 22-й САЭ – придумали хитрость. Прикатали восемь пустых бочек, поставили друг на друга, соорудив четыре опоры. Трактором нагребли вокруг снежный холм. В нем бочки скрылись – только четыре «макушки» торчали. Подождали, пока

снег утрамбуется, подсыпали еще и, заведя старый тягач, осторожно забрались на холм. А снег потом раскидали. Так оказался тягач на пьедестале. И появился в Антарктиде памятник тем, кто открыл станцию Восток, – памятник экспедиции Трёшникова.

...Михаил Семенович Кулешов – он вел одну из машин во время похода Трёшникова к полюсу холода – рассказывал мне, как чуть не всю дорогу скандалил с начальником экспедиции.

– В походе каждый вечер Алексей Федорович брал спальник, кидал его на сиденье ледяной кабины АТТ и так и спал. А что значит спать в металлической кабине, в АТТ, посреди Антарктиды?! Какой это отдых? Мы, конечно, каждый вечер звали Трёшникова в свой тесный, но теплый балок. А он говорил: «Ты весь день машину ведешь, радист – на ключе, и вы должны как следует отдыхать. Иначе мы до Востока не доберемся... А мне и в кабине нормально».

Артур Чилингаров – ученик Трёшникова, нынешний вице-спикер Госдумы, Герой Советского Союза вдруг вспомнил почему-то Трёшникова, когда в марте 2004 года эвакуировали с осколков льдины полярников станции «СП-32»:

– С Трёшниковым полярники всегда любили зимовать. А это для начальника экспедиции самая высокая оценка.

А еще Чилингаров сказал:

– Трёшников всегда мечтал, чтобы его ученики шли дальше своего учителя. Были счастливее и удачливей. Поверь, это очень редкое качество, свойственное только по-настоящему широкому человеку.

...Всю первую зимовку в Антарктиде Трёшников не мог расстаться с мыслью о Востоке.

До весны надо было успеть подготовиться к новому походу: отремонтировать оставшиеся в Мирном тягачи, сделать промежуточные базы, забросить туда самолетами горючее для машин.

На камбузе в Мирном варили десятки литров куриного бульона, потом его замораживали, вытряхивали из кастрюль, заворачивали в пергамент. Повара нажарили несколько тысяч котлет и налепили тысячи пельменей. Все это тоже заморозили. В походе на приготовление еды времени отводится мало.

Трёшников записал в дневнике: «Перестал нормально спать, по-видимому, от нервного напряжения у меня постоянно ноет плечевой сустав».

К утру его комната была прокурена так, что не продохнуть. Больше всего его беспокоил предстоящий весенний поход. Он решил сам его возглавить.

Но все эти ночные сомнения, беспокойства были только наедине с собой. На людях это был уверенный в себе человек. Он считал, что не имеет права показывать, что сомневается в чем-то. «Мои младшие товарищи должны не сомневаться, а действовать. Поэтому, когда наутро они увидят меня веселым и уверенным, у них тоже будет уверенность в том, что все идет как надо».

Когда врачи Мирного узнали, что начальник экспедиции собирается сам идти на Восток, то запротестовали:

– Алексей Федорович, с вашим кашлем вы такой поход не выдержите.

– Обследуйте меня хорошенько, – попросил начальник экспедиции. – Скажите, что нужно сделать, чтобы мое состояние вас удовлетворило.

– И обследовать нечего, – сказали врачи. – Вы должны бросить курить.

Такого заядлого курильщика в Мирном еще надо было поискать. Вечно он то с папиросой в руках, то с трубкой. В домике у Трешникова трубок – целая коллекция.

21 июня 1957 года – в день, когда полярники отмечали середину южнополярной зимы, – Трешников бросил курить. Бросил, никому об этом торжественно не объявляя, ни с кем никаких пари не заключая. Трубки так и остались лежать на столе. Кашель стал проходить, боли в горле исчезли. С тех пор он ни разу в жизни не закурил, хотя после еще года два курево по ночам снилось. Когда вернулся из экспедиции в Ленинград, домашние посчитали это самым героическим в его жизни поступком.

8 октября 1957 года поезд из шести тягачей вышел из Мирного.

В пути их встретили такие метели, что на остановках к утру тягач превращался в снежной холм. Порой в двух шагах ничего не было видно. Водитель «пятерки» в пургу двинулся, чтобы стать поближе к остальным, и тут же заблудился. Два часа его искали, десятки ракет выпустили. Только когда появился просвет, увидели, что тягач стоит от поезда всего в двадцати метрах. «Если потерял ориентировку или сбился со следа, сразу остановись и жди, пока тебя не найдут» – этому правилу следовали все водители.

29 октября поезд добрался до станции Восток-1, где зимовщики отметили 73,2 градуса мороза. И двинулся дальше – на юг.

С каждым днем двигаться становилось все труднее. Высота, да и гусеницы тягачей чуть ли не на метр уходили в снег, увязали, как в «болоте».

Больше двух месяцев длился этот поход. В среднем за день удавалось пройти два-три десятка километров. Не больше.

15 декабря 1957 года – самый радостный во всей экспедиции день: санно-тракторный поезд добрался до Южного геомагнитного полюса!

Трешников прошел четыре километра, своими громадными шагами отмеряя будущий аэродром. Следом двигался тягач с гладилкой, которую специально везли из Мирного укатывать полосу. Потом сдвинули балки и из них построили станцию. Люди работали на 60-градусном морозе с особым подъемом. Трешникову приходилось даже уговаривать их зайти в домик погреться.

...Со всех концов света в тот же день стали поступать на Восток радиограммы. Участников похода поздравляли полярники Мирного, прислал телеграмму знаменитый австралийский исследователь Дуглас Моусон. Поздравил, конечно, и Михаил Сомов.

...После этого Трешников долгое время не был в Антарктиде. Но когда отправлялась новая экспедиция, начальник штаба двух полюсов сам проверял, всем ли необходимым обеспечены зимовщики Востока, почти всегда приходил в Ленинградский порт, чтобы проводить их в дорогу. Это он настоял на том, чтобы на месте старого, деревянного, занесенного снегом Востока, построили новую станцию, удобную для жизни полярников, для расширения уникальных научных исследований. Многие противились этой идее, доказывали, что потребуются огромные силы и средства, вспоминали, во сколько обходится доставка на Полюс холода каждого килограмма груза. Трешников сумел доказать необходимость такого строительства.

В 22-ю советскую антарктическую экспедицию был построен новый Восток – тот самый, на который я последний раз летал совсем недавно в составе 47-й российской антарктической экспедиции.

Тайны озера Восток

В свое время Трешников даже не представлял, что именно с Востоком будет связано столько интригующих научных открытий, что именно на Востоке будет пробурена уникальная – глубиной более трех с половиной тысяч километров – скважина, керн из которой для ученых куда ценнее, чем слитки золота: керн с таких глубин может дать представление даже о том, каким был климат на земле 400 тысяч лет назад.

Но конечно самая большая сенсация Востока – открытие под станцией Восток громадного, площадью почти 10 тысяч квадратных километров, озера. По своим размерам оно вполне сравнимо с такими знаменитыми озерами, как Онежское в Европе, Чад в Африке, Никарагуа в Центральной Америке. Только оно – под мощной шапкой льда.

Толщина льда над озером колеблется от 3700 до 4350 метров, и наименьшая она как раз в районе нашей станции Восток, которой сама судьба определила стать центром по изучению этого уникального природного объекта, в котором вполне могут быть живые организмы, не известные людям на земле. Может, там какие-нибудь монстры плавают. Вода-то там вполне теплая – это уже известно. Предполагается даже, что там гейзеры бьют. Ученые уже определили, что неизвестные бактерии, обнаруженные в керне, поднятом с максимальных глубин, способны жить при температуре плюс 55 градусов по Цельсию.

Словом, исследование озера Восток, по мнению ученых самых разных стран, может стать одним из самых интересных открытий уже века нынешнего – двадцать первого.

То, что станцию Восток открыли именно в том районе, где она и по сей день работает, конечно, случайность. Случайность счастливая.

Вы уже знаете: от начальника экспедиции, будущего академика, Трещникова требовали поход в центр Антарктиды прекратить – слишком сильные наступали морозы, слишком тяжелым был путь и слишком большим риск. Но упрямый Трещников остановился лишь тогда, когда посчитал, что добрался до геомагнитного полюса. А когда появились новые, более точные, представления о положении геомагнитных полюсов Земли, выяснилось, что поезд Трещникова промахнулся... километров на триста.

Промашка оказалась большой удачей. Если бы поезд пришел точно на геомагнитный полюс, то озеро бы просто проскочили. И еще неизвестно – нашли бы его ученые в конце XX века, или этому открытию суждено было бы состояться значительно позднее. А может, и вообще не суждено было состояться.

О том, что в центре Антарктиды под толщей льда есть озера, ученые догадывались еще в шестидесятые годы прошлого века, когда известный гляциолог и участник многих антарктических экспедиций Игорь Зотиков выдвинул гипотезу о том, что под толщей в три с половиной – четыре километра, находясь на «дне» ледника, под громадным, достигающим 350 и более атмосфер, давлением, лед тает при температуре минус четыре градуса по Цельсию. А более низких температур там практически не бывает – четырехкилометровая «шуба» защищает ложе ледника от морозов. Следовательно, на «дне» ледника, там, где лед соприкасается с коренными материковыми породами, он может таять, а из этой воды в ложбинах рельефа образуются озера.

В те же шестидесятые годы на станции Восток прогремели первые взрывы – геофизик Андрей Капица исследовал сейсмические волны, проходящие через толщу ледника. Ученый пытался опреде-

лить, каков под станцией слой льда. Первый же взрыв и отраженные от него сигналы породили первую сенсацию: одна волна дала сразу два совершенно разных сигнала – короткий и более длинный. Значит, между подошвой ледника и коренными породами, на которых он лежит, есть какая-то прослойка. Но то, что эта прослойка состоит из озерной воды, и предположить тогда не могли.

И даже когда спустя десять лет американцы и англичане в районе станции Восток производили с самолета измерения толщин льда радиолокаторами и подо льдом на четырехкилометровой глубине обнаружили сигнал, отраженный от воды, они и не подумали о том, что это громадное озеро. Идея об озере родилась лишь в конце прошлого века, когда для исследования поверхности Земли и ее полярных широт начали очень активно использовать космические методы. Снимки с одного из спутников дали основания говорить о том, что в районе Востока находится обширная плоская равнина.

И только когда исследователи собрали воедино сейсмические, радиолокационные и космические данные, впервые родилась гипотеза о существовании озера. Выдвинул ее все тот же Андрей Капица с группой соавторов. Произошло это в 1994 году на симпозиуме в Риме.

А уже в XXI веке, во время работы 47-й Российской антарктической экспедиции, российским ученым удалось определить точные контуры озера, нанести его на карту Антарктиды.

Буровики из петербургского Горного института добрались практически до поверхности озера – остались последние 130 метров. И пройти их особого труда не составляет. Но дело в том, что нельзя лезть в эту накрепко запаянную колбу «с грязными руками». Поэтому бур и технологии его применения нужны особо, чистые. (стерильный.) А пока такой только конструируют. И весь научный мир ждет, не дожидается, когда можно будет с приборами в это громадное озеро «нырнуть».

Вот какое место выбрал Алексей Федорович Трешников для станции Восток почти полвека назад.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

- 1914 г.** – 14 апреля в селе Павловка Симбирской губернии в семье крестьянина родился Трёшников Алексей Федорович.
- 1932 г.** – поступил на рабфак при Ленинградском сельскохозяйственном институте.
- 1934 г.** – поступил на географический факультет Ленинградского государственного университета (ЛГУ).
- 1938 г.** – впервые в Арктике, практикант в гидрографической экспедиции в Карском море.
- 1939 г.** – после окончания ЛГУ получил квалификацию географа-гидролога и поступил в АНИИ.
- 1940–1941 гг.** – зимовка на Новосибирских островах.
- 1941–1945 гг.** – начальник «Ледового патруля» в Карском море.
- 1946 г.** – присуждена ученая степень кандидата географических наук.
- 1948–1949 гг.** – участие в высокоширотных экспедициях «Север».
- 1949 г.** – утвержден в ученом звании старшего научного сотрудника, присвоено звание Героя Социалистического Труда.
- 1954–1955 гг.** – начальник дрейфующей станции «Северный Полюс–3» (СП-3).
- 1956–1958 гг.** – начальник второй Континентальной антарктической экспедиции (II КАЭ).
- 1960–1981 гг.** – директор ААНИИ.
- 1963 г.** – присуждена ученая степень доктора географических наук.
- 1963–1964 гг.** – руководитель перелета двух самолетов ИЛ-18 по маршруту Москва–Антарктида–Москва.
- 1967 г.** – утвержден в ученом звании профессора по специальности «океанография».
- 1967–1968 гг.** – начальник 13-й сезонной Советской антарктической экспедиции
- 1971 г.** – присуждена Государственная премия в области науки.
- 1973 г.** – начальник зимней антарктической экспедиции на НИС «Профессор Зубов», которая эвакуировала полярников с дрейфующего д/э «Обь» и вывезла участников 17-й САЭ из Мирного и Молодежной.
- 1976 г.** – избран членом-корреспондентом АН СССР.
- 1976 г.** – участник экспедиции ПОЛЭКС-СЕВЕР-76 на НИС «Профессор Визе» в Норвежском и Гренландском морях.
- 1977 г.** – Президент Географического Общества СССР.
- 1981 г.** – Директор Института Озероведения АН СССР.
- 1981 г.** – зав. кафедрой океанологии географического факультета ЛГУ.
- 1982 г.** – избран академиком АН СССР.
- 1986 г.** – последний полет в Арктику на дрейфующие станции СП-27 и СП-28.
- 1991 г.** – 18 ноября после тяжелой продолжительной болезни А.Ф.Трёшникова не стало.

Трудовая деятельность Алексея Федоровича была высоко оценена руководством страны. Он – Герой Социалистического Труда (1949 г.), награжден четырьмя орденами Ленина (1949, 1955, 1960, 1984 гг.), орденами Трудового Красного Знамени (1981 г.), «Знак Почета» (1946 г.), Октябрьской Революции (1974 г.), медалями «За трудовую доблесть» (1952 г.), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Советского Заполярья» и юбилейными медалями «30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «250 лет со дня основания Ленинграда» и «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина».

Ленинградский Государственный университет. Кафедра гидрологии моря. Выпуск 1939 г.
Крайний справа в нижнем ряду – А.Ф.Трешников

Руководитель отряда ВШЭ «Север-4» А.Ф.Трешников, 1949 г.

У самолета на дрейфующей станции СП-3. Слева направо: начальник станции А.Ф.Трешников, метеоролог Г.И.Матвейчук, врач В.Г.Волович. 1954 г.

Избирательный участок на дрейфующей станции СП-3.
Справа – А.Ф.Трешников. 1955 г.

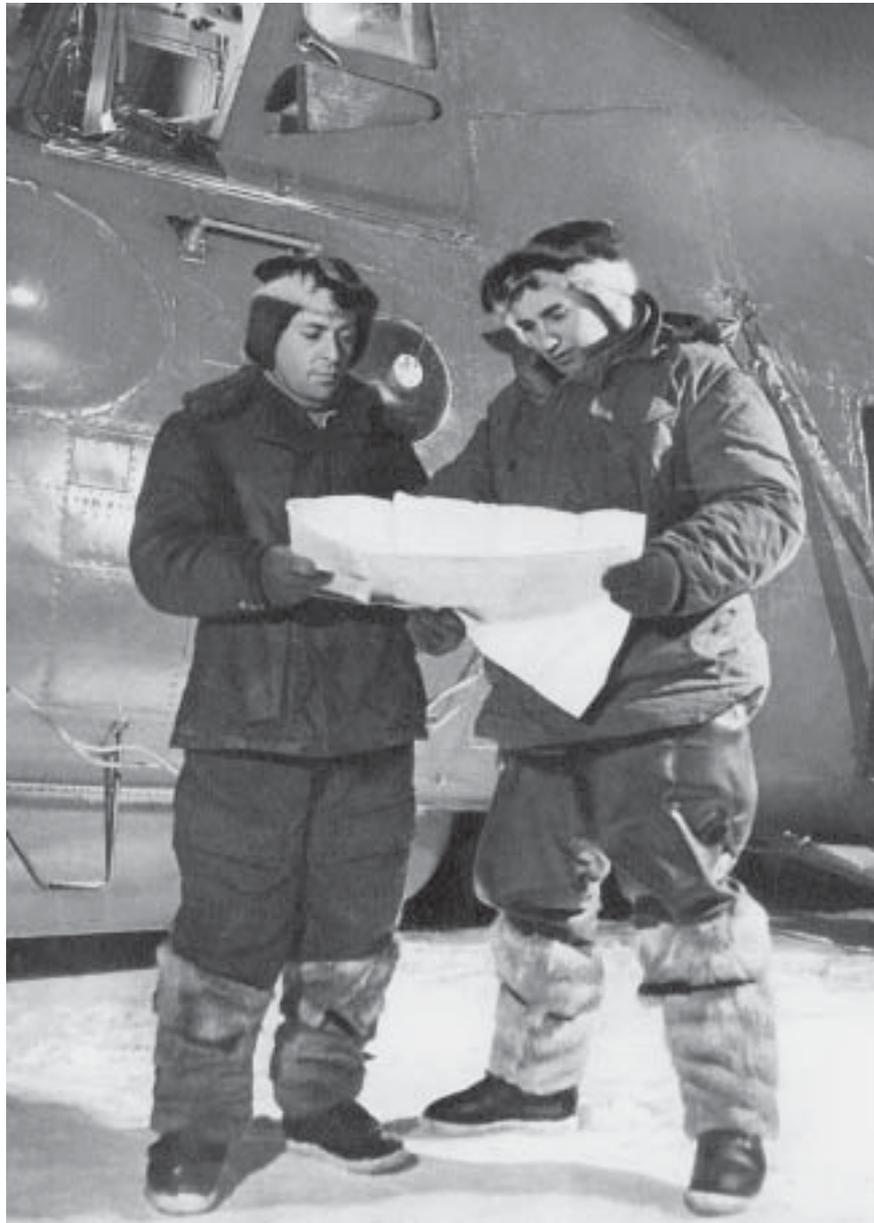
Начальник дрейфующей станции СП-3 А.Ф.Трешников, 1954 г.

Вести с Большой земли. СП-3. 1954 г.

Участники дрейфующей станции СП-3 провожают самолет на Большую Землю. Второй справа –
начальник станции А.Ф.Трешников. 1954 г.

Уточнение маршрута полета вертолета. 1954 г.

А.Ф.Трешников с неразлучной трубкой на льдах Центральной Арктики.

У карты дрейфа. СП-3. 1954 г.

Лагерь дрейфующей станции СП-3. 1954 г.

И.Д.Папанин (слева) и М.М.Сомов (справа) встречают А.Ф.Трешникова, возвратившегося с дрейфующей станции «Северный полюс-3». Москва. 1955 г.

Встреча участников дрейфа СП-3 и СП-4 в ленинградском аэропорту.
В центре – А.Ф.Трешников. 1955 г.

Полярный исследователь А.Ф.Трешников дает автограф корреспонденту газеты «Радянська
Україна» в ленинградском аэропорту. 1955 г.

Академик И.П.Бардин, напутствующий участников 2-й КАЭ. 1956 г.

Капитан И.Ман и А.Ф.Трешников

А.Ф.Трешников прощается с семьей в каюте д/э «Обь»
перед отплытием в Антарктиду

А.Ф.Трешников – начальник 2-ой КАЭ

«Обь» у берегов Антарктиды

Президиум собрания, посвященного 250-летию Лениграда.
Мирный. 2-я КАЭ

Обсерватория Мирный

Выгрузка самолетов в море Дейвиса вблизи Мирного. 1957 г.

Полюс холода – станция Восток

Встреча австралийского исследователя Антаркиды Д.Моусона (в центре) и начальника 2-ой КАЭ А.Ф.Трешникова во время приема на д/э «Обь». Порт Аделаида (Австралия). 1958 г.

Заместитель директора ААНИИ А.Ф.Трешников (слева) и начальник 6-ой САЭ В.М.Дриацкий обсуждают план работы экспедиции. Ленинград. 1960 г.

А.Ф.Трешников и А.П.Капица. Москва. Декабрь 1963 г.

А.Ф.Трешников и М.М.Сомов и Н.А.Корнилов перед отлетом в Антарктиду.
Москва. Декабрь 1963 г.

А.Ф.Трешников на встрече с известными советскими исследователями
Арктики и Антарктики

Аборигены Антарктиды – пингвины

Станция Беллингаузен

Дрейфующая станция СП-15. 1966 г. Слева направо: А.Ф.Трешников, писатель Б.Полевой, Н.А.Корнилов

Встреча начальников дрейфующих станций. Москва. 1967 г.

А.Ф.Трешников в Географическом обществе. Ленинград, 1960-е гг.

А.Ф.Трешников на открытии бюста Р.Амундсену в саду здания ААНИИ. Конец 1960-х гг.

А.Ф.Трешников – начальник зимней антарктической экспедиции
на НИС «Профессор Зубов». 1973 г.

Э.А.Сарухян и А.Ф.Трешников. 1976 г.

Встреча научно-исследовательских судов в Гренландском море
во время экспедиции «ПОЛЭКС–Север». 1976 г.
Слева направо: Э.А.Сарухян, А.Ф.Трешников, Н.П.Смирнов

Апрель 1977. Дрейфующая станция «Северный Полюс - 23».
Слева направо: директор АНИИ А.Ф.Трешников, писатель А.М.Санин, поэт М.А.Дудин

40 лет станции СП-1. Полярники в Доме литераторов. 1977 г.
И.Д.Папанин, М.В.Водопьянов, М.И.Шевелев, А.Ф.Трешников

В президиуме собрания, посвященного 25-летию Первой советской
антарктической экспедиции, А.Ф.Трешников и И.Д.Папанин. 1981 г.

А.Ф.Трешников на праздновании 50-летия Гидрометеоздата. 1984 г.

А.Ф.Трешников в рабочем кабинете. 1984 г.

А.Ф.Трешников в перерыве заседания Географического общества СССР. 1980-е годы.

«Возвращение к полюсу». А.Ф.Трешников с коллективом станции «СП-27». 1986 г.

Фонтанка, 34. ААНИИ. Здание, в котором А.Ф.Трешников работал до 1981 г.

Ул. Беринга, 38. Новое здание ААНИИ, строившееся в период работы А.Ф.Трешникова. Но в нем он уже не работал...